

выдти въ океанъ, а пришедшій тендеръ Кадьякъ привезъ извѣстie, что шкуны Востокъ и нѣтъ въ Большерѣдѣѣ. Поэтому назначенie мое на несомнѣнную гибель было отмѣнено, и вскорѣ, 15-го числа, я былъ отправленъ въ Аянъ на нанятомъ америкванскомъ бригѣ «Noble».

Контръ-адмиралъ А. П. Арбузовъ.

Примѣчанiе. Для того, чтобы разсказъ А. П. Арбузова объ отраженii англо-французской эскадры и десанта съ нея отъ Петропавловскаго порта былъ яснѣе, мы сочли необходимымъ приложить планъ этого порта съ обозначенiемъ на картѣ расположенiя домовъ, батарей, числа пушекъ на нихъ, также наступающихъ кораблей непрiателя. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя къ плану поясненiя. Авачинская бухта въ Камчаткѣ находится подъ 53° широты N и 176°24' долготы O; бухта образуетъ превосходный, внутреннiй бассейнъ въ 10 миль диаметра. Въ этомъ отличномъ рейдѣ можетъ укрыться самый громаднiй въ мiрѣ флотъ. Заливъ соединяется съ Восточнымъ океаномъ проходомъ съ южной стороны. Войдя въ заливъ черезъ проходъ, мы, на восточномъ берегу—встрѣчаемъ небольшой Петропавловскiй портъ. Это нѣчто въ родѣ глухой улицы, открытой съ юга; длина 562 саж., ширина средн. 185 саж. Съ запада портъ окаймляется длиннымъ и узкимъ полуостровомъ, дл. до 100 саж., средняя ширина его 33 саж.; съ юго-востока вытягивается коса — отъ 14 до 16 саж. ширины; она лишь на нѣсколько футъ выше воды, но, во всякомъ случаѣ, замыкаетъ собой бухту.

Наконецъ, узкiй бонтъ запираетъ проходъ между косою и полуостровомъ. Такимъ образомъ эту бухту сама природа укрѣпила сильнѣе любого форта, воздвигнутаго искуснѣйшими инженерами. Здѣсь-то, за косою расположились въ дни боя русскiе фрегаты „Аврора“ и транспортъ „Двина“ — первый о 44, второй о 12 пушкахъ. Батарея № 2 въ 11 орудiй на косѣ во время прилива поднималась надъ водою на 4 фута. Затѣмъ площадъ воды предъ бухтой защищаема была еще двумя батареями: № 1, Шахова, въ шесть пушекъ и № 4, на Красномъ Ярѣ, въ 5 пушекъ. Далѣе къ сѣверу у подошвы горы Никольской, батарея № 7 въ пять орудiй, наконецъ у озера, внутри порта, за горою находилась батарея № 6 въ шесть орудiй. Ред.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

1804 — 1854.

Записки М. И. Глинки были писаны въ теченie времени отъ 3-го iюня 1854 до конца марта 1855 года, по просьбѣ сестры его Людмилы Ивановны Шестаковой, съ которою Глинка жилъ тогда вмѣстѣ. Каждый день, являясь къ завтраку, М. Ив. прочитывалъ одинъ листъ, написанный имъ въ то утро. Записки эти существуютъ въ двухъ экземплярахъ; одинъ, собственноручнiй и другой — копия, оба принадлежали Л. И. Шестаковой и ею принесены въ даръ Императорской

Публичной Библиотеки. Копія была свѣрена съ оригиналомъ самимъ М. И. Глинкой, причеиъ онъ оставлялъ безъ поправки нѣкоторыя неважныя измѣненія переписчиковъ (очень вмѣсто весьма, бывшій вм. который былъ или наоборотъ), но за то, имѣя этотъ экземпляръ при себѣ до самой своей смерти, онъ прибавилъ въ немъ много любопытныхъ примѣчаній. Экземпляръ этотъ былъ въ рукахъ известнаго въ свое время литератора Н. В. Кукольника, съ которымъ Глинка былъ друженъ, и Кукольникъ сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ въ слогѣ (къ худшему, потому что живя, своеобразныя выраженія Глинки замѣнялъ рутинно-литературными оборотами) и нѣсколько замѣчаній, на которыя Глинка, съ своей стороны, отвѣчалъ новыми, подчасъ очень забавными, контръ-замѣчаниями.

Мы печатаемъ „Записки“ М. И. Глинки съ этой копіи, предварительно свѣривъ ее еще разъ съ оригиналомъ. Мы отбросили всѣ варианты переписчиковъ и поправки Кукольника и даемъ текстъ „Записокъ“ такъ, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Глинки, но собственные поправки Глинки мы тщательно сохраняемъ, отмѣчая подъ чертой зачернутое имъ, такъ какъ въ этихъ зачеркнутыхъ имъ словахъ и фразахъ встрѣчаются любопытные факты, иногда для языка Глинки (замѣна словъ иностранныхъ русскими и т. п.), иногда и для самой его биографіи. Точно также внесли мы и помѣтки М. И. Глинки, сдѣланныя карандашемъ на поляхъ оригинальной рукописи, вѣроятно съ цѣлью пополнить ихъ впоследствии, и тѣ изъ замѣчаній Кукольника, на которыя Глинка писалъ отвѣты. Издавая въ свѣтъ записки чело-вѣка почти современнаго намъ, мы естественно не могли избѣжать нѣкоторыхъ пропусковъ; но, уступая этой прискорбной необходимости, мы старались во всякомъ случаѣ сдѣлать ихъ сколько возможно менѣе и то въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ Глинка касался интимныхъ подробностей своихъ семейныхъ отношеній; въ другихъ же случаяхъ ограничивались тѣмъ, что не выписывали полныхъ именъ лицъ, о которыхъ говорится. Въ приложеніи къ „Запискамъ“ мы надѣмся помѣстить нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднемъ времени жизни М. И. Глинки и письма лицъ, присутствовавшихъ при его кончинѣ, послѣдовавшей въ Берлинѣ 3 февраля 1857 г.

Читающей публикѣ „Записки“ М. И. Глинки известны по интереснымъ статьямъ о Глинкѣ В. В. Стасова (Русскій Вѣстникъ 1857 г. № 20, 21, 22 и 24), для которыхъ онъ послужили главнѣйшимъ матеріаломъ и въ которыхъ приведены нѣкоторыя изъ нихъ выдержки. Но не говоря уже о томъ, что г. Стасовъ не имѣлъ въ виду знакомить публику собственно съ „Записками“, тогдашнія условія нашей печати не позволяли ему воспользоваться многими подробностями даже какъ матеріаломъ для своихъ статей. Издавая теперь исполнѣ „Записки“ М. И. Глинки, мы надѣмся оказать услугу не только людямъ специально занимающимся музыкою, для которыхъ значеніе этихъ „Записокъ“ неопредѣлимо, но и вообще содѣйствовать уясненію того любопытнаго періода нашей недавней исторіи, который характеризуется такимъ необычайнымъ развитіемъ у насъ художественнаго творчества. Эстетическая критика сдѣлала свое дѣло: она выяснила художественное значеніе не только наиболѣе крупныхъ созданій той эпохи, но, можно сказать безъ преувеличенія, каждаго лири-

ческаго стихотворенія Пушкина, cadaго романа Глинки. Теперь наступает очередь критики исторической. Но только когда наша литература обогатится матеріалами, въ родѣ издаваемыхъ теперь „Записокъ Глинки“, для насъ сдѣлается возможнымъ дѣйствительно историческое сужденіе объ эпохѣ, которая произвела Пушкина, Глинку, Лермонтова, Гоголя, т.-е. все, чѣмъ мы гордимся въ области литературы и искусства. Не предупреждая сужденія читателей, не можемъ не замѣтить, что, помимо историческаго значенія „Записокъ“, въ высшей степени сочувственное впечатлѣніе производитъ сама по себѣ свѣтлая личность М. И. Глинки, — человѣка, который въ каждомъ встрѣчавшемся ему въ жизни лицѣ спѣшилъ отыскать свѣтлую, сочувственную сторону, художника, который, вопреки господствующему мнѣнію объ авторскомъ самолюбіи, ни разу не забылъ упомянуть, кому онъ обязанъ былъ тою или другою счастливою идеею или вдохновеніемъ, былъ ли то человѣкъ близкій его сердцу, просто чухонскій ямщикъ, или даже человѣкъ не совсѣмъ пріязненно къ нему относившійся. Когда „Записки Глинки“ были уже приготовлены нами къ изданію, мы прочли въ газетахъ слѣдующую просьбу, поданную смоленскому губернатору Бороздину, за подписью ста восьми уроженцевъ Смоленской губерніи, объ исходатайствованіи высочайшаго разрѣшенія на открытіе во всей Россіи подписки на сооруженіе въ городѣ Смоленскѣ памятника Михаилу Ивановичу Глинкѣ.

«Ваше превосходительство Николай Петровичъ. Съ древнѣйшихъ временъ установился у всѣхъ народовъ обычай воздвигать въ честь людей, оказавшихъ важныя услуги отечеству своею дѣятельностью, трудами и способностями, памятники въ мѣстахъ ихъ родины. Мы видимъ памятники не только государямъ и полководцамъ, но и ученымъ, поэтамъ и художникамъ. Гениальный русскій композиторъ, создавшій русскую національную музыку, Михаилъ Ивановичъ Глинка, родился въ Смоленской губерніи, Едвинскомъ уѣздѣ, селѣ Новоспаскомъ, родовомъ имѣніи его отца, гдѣ онъ провелъ первыя 13 лѣтъ жизни и куда прѣзжалъ впоследствии довольно часто и надолго. Здѣсь, въ деревнѣ, вдали отъ классическаго музыкальнаго міра, первое и сильное впечатлѣніе произвели на его музыкальную натуру деревенскія народныя пѣсни, деревенская плясовая музыка. Эти-то пѣсни и музыка легли въ основу его будущихъ произведеній и дали имъ чисто національный характеръ. Чувство самой живой симпатіи и волненія, которое охватываетъ всякаго русскаго при слуханіи «Жизни за Царя», популярности, какую приобрѣла въ народѣ, напримеръ, «Камаринская», служить лучшимъ доказательствомъ національности въ твореніяхъ Глинки. Мы, смоляне, гордимся тѣмъ, что народныя пѣсни нашей губерніи послужили основаніемъ его обще-русскихъ, даже обще-славянскихъ національныхъ произведеній и, дорожа воспоминаніемъ о немъ, имѣемъ честь покориѣше просить ваше превосходительство исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на открытіе по всей Россіи подписки на сооруженіе въ городѣ Смоленскѣ памятника Михаилу Ивановичу Глинкѣ, на составленіе комитета для принятія пожертвованій и необходимыхъ по этому предмету распоряженій и на назначеніе конкурса для представленія модели памятника. Мы вполне увѣрены, что вся Россія сочувственно откликнется на это истинно-народное дѣло». (Слѣдуютъ 108 подписей).

Просьба эта имѣла полный успѣхъ: подписка открыта во всей Россіи. Но мы не можемъ не замѣтить, что Петербургу и Москвѣ не слѣдовало допускать чтобы Смоленскъ предвосхитилъ честь возбужденія вопроса о созданіи памятника безсмертному творцу русской оперы. Кому же, какъ не населенію обѣихъ столицъ, болѣе сорока лѣтъ наслаждающемуся музыкою Глинки, должна бы принадлежать честь почина въ

этомъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи особенно непонятно равнодушіе нашихъ консерваторій. Будемъ же надѣяться, что теперь, когда смоляне возбудили это дѣло, наши консерваторіи станутъ во главѣ движенія въ пользу образованія капитала, на сооруженіе памятника Глинкѣ, а ак. худ. назначить комисію на проектъ памятника.

Обращаясь къ запискамъ Глинки, мы считаемъ себя счастливыми, что появленіе ихъ на страницахъ „Русской Старины“ совпадаетъ съ пробужденіемъ въ русскомъ обществѣ сознанія въ необходимости воздать гениальному представителю русской музыки — ту честь, которая во всякомъ другомъ обществѣ была бы давнымъ давно ему воздана.

Ред.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отъ 20 мая 1804 года до 25 апрѣля 1830 года.

ПЕРІОДЪ I.

Рожденіе.—Пробываніе съ бабулю.

Я родился 1804 года, мая 20 дня, утромъ на зарѣ, въ селѣ Новоспасскомъ, принадлежавшемъ родителю моему, капитану въ отставкѣ, Ивану Николаевичу Глинкѣ; имѣніе это находится въ 20 верст. отъ города Ельни, Смоленской губерніи; оно расположено по рѣкѣ Деснѣ близъ ея истока и въ недалекомъ разстояніи окружено непроходимыми лѣсами, сливающимися съ знаменитыми брянскими лѣсами. Вскорѣ по рожденіи моемъ, матушка моя Евгенія Андреевна, урожденная Глинка, принуждена была предоставить первоначальное мое воспитаніе бабулѣ моей Оеклѣ Александровнѣ (матери моего отца), которая, овладѣвъ мною, перенесла меня въ свою комнату. Съ нею, кормилицею и нянею провелъ я около трехъ или четырехъ лѣтъ, выдаясь съ родителями весьма рѣдко. Я былъ ребенкомъ слабого сложенія, весьма золотушнаго и нервнаго расположенія; бабушка моя, женщина преклонныхъ лѣтъ, почти всегда хворала, а потому въ комнатѣ ея (гдѣ обиталъ я) было, по крайней мѣрѣ, не менѣе 20 градусовъ тепла по Реомюру. Несмотря на это, я не выходилъ изъ шубки; по ночамъ же и часто днемъ поили меня чаемъ со сливками, со множествомъ сахару, кренделей и бубликовъ разнаго рода; на свѣжій воздухъ выпускали меня очень рѣдко и только въ теплое время. Нѣтъ сомнѣнія, что это первоначальное воспитаніе имѣло сильное вліяніе на развитіе моего организма и объясняетъ мое непреодолимое стремленіе къ теп-

лымъ климатамъ; и теперь, когда мнѣ уже 50 лѣтъ, я могу утвердительно сказать, что на югѣ мнѣ лучше жить и я страдаю тамъ менѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Бабушка моя баловала меня до невѣроятной степени; мнѣ ни въ чемъ не было отказа; несмотря на это, я былъ ребенкомъ кроткимъ и добронравнымъ, и только, когда тревожили меня во время занятій, становился недотрогою (мимозою), что отчасти сохранилось и до нынѣ. Однимъ изъ любимыхъ моихъ занятій было ползать по полу, рисуя мѣломъ деревья и церкви. Я былъ весьма набоженъ и обряды богослуженія, въ особенности въ дни торжественныхъ праздниковъ, наполняли душу мою живѣйшимъ поэтическимъ восторгомъ. Выучась читать чрезвычайно рано, я нерѣдко приводилъ въ умиленіе мою бабу и ея сверстницъ чтеніемъ священныхъ книгъ. Музыкальная способность выражалась въ это время страстію къ колокольному звону (трезвону); я жадно вслушивался въ эти рѣзкіе звуки, и умѣлъ на двухъ мѣдныхъ тазахъ ловко подражать звонарямъ. Въ случаѣ болѣзни приносили малые колокола въ комнаты для моей забавы. Съ самаго малолѣтства я уже былъ слабонервнымъ; и такъ какъ за нѣсколько дней до кончины бабушки приложили ей пластырь отвратительнаго запаха, то меня никакой силой не могли принудить войти къ ней, и я не присутствовалъ при ея кончинѣ, несмотря на то, что я очень любилъ ее. Нѣсколько забавныхъ анекдотовъ я могъ бы привести здѣсь, хотя воспоминаніе объ этой эпохѣ не совсѣмъ ясно въ памяти моей, но считаю ихъ излишними, ибо они не имѣютъ прямого отношенія къ моей артистической жизни, притомъ я отнюдь не желаю подражать г-ну женевскому философу.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ кончины бабушки до проявленія перваго музыкальнаго чувства.

Послѣ кончины бабушки моей, образъ моей жизни нѣсколько измѣнился. Матушка баловала меня менѣе, и старалась даже приучать меня къ свѣжему воздуху, но эти попытки по большей части оставались безъ успѣха. Кромѣ сестры, годомъ меня моложе, и моей няни, вскорѣ взяли другую няню, вдову землемѣра, по имени Ирину Ѳедоровну Мѣшкову, съ дочерью, нѣсколько постарше меня. Эта няня была женщина простая и чрезвы-

чайно добрая, а матушка хотя не баловала, но любила насъ, и намъ было хорошо. Впослѣдствіи присоединили къ Иринеѣ Федоровнѣ французженку Розу Ивановну, а нанятый отцомъ моимъ архитекторъ, вмѣсто мѣла далъ мнѣ карандашъ въ руку и началъ свои уроки рисованья, какъ водится, съ глазъ, носовъ, ушей и проч., требуя безотчетнаго отъ меня механическаго подражанія; при всемъ томъ одновожъ я быстро успѣвалъ. Сверхъ того одинъ дальній родственникъ, любознательный, добрый, весьма пріятнаго нрава старичекъ не рѣдко навѣщалъ насъ, любилъ рассказывать мнѣ о далекихъ краяхъ, о дивныхъ людяхъ, о климатахъ и произведеніяхъ тропическихъ странъ, и, видя съ какою жадностію я его слушалъ, привезъ мнѣ книгу подъ названіемъ: «О странствіяхъ вообще», изданную въ царствованіе Екатерины II. Я съ рвеніемъ принялся за чтеніе этой книги и, сколько помню, она содержала отрывки изъ путешествій знаменитаго Васко де-Гама. Я получилъ отъ него же впослѣдствіи другіе томы этого собранія путешествій и, когда дѣло дошло до описанія острова Цейлона, Суматры, Явы и другихъ острововъ Индѣйскаго Архипелага, то мое воображеніе такъ разыгралось, что я принялся изучать описаніе этихъ прелестныхъ острововъ, и (для того) началъ дѣлать извлеченіе изъ вышеозначенныхъ книгъ, что и послужило основаніемъ моей страсти къ географіи и путешествіямъ.

Музыкальное чувство все еще оставалось во мнѣ въ неразвѣтомъ и грубомъ состояніи. Даже по 8-му году, когда мы спасались отъ нашествія французовъ въ Орель, я съ прежнею жадностію вслушивался въ колокольный звонъ, отличалъ трезвонъ каждой церкви, и усердно подражалъ ему на мѣдныхъ тазахъ.

Всегда окруженный женщинами, играя только съ сестрою и дочерью няни, я вовсе не походилъ на мальчиковъ моего возраста. При томъ страсть къ чтенію, географическимъ картамъ и рисованію, въ которомъ я началъ примѣтно успѣвать, часто отвлекала меня отъ дѣтскихъ игръ и я по прежнему былъ нрава тихаго и кроткаго. У батюшки иногда собиралось много гостей и родственникововъ; это случалось въ особенности въ день его ангела, или когда прѣзжалъ кто-либо, кого онъ хотѣлъ угостить на славу. Въ такомъ случаѣ посылали обыкновенно за музыкантами къ дядѣ моему, брату матушки, за 8 верстъ. Музы-

ванты оставались нѣсколько дней, и когда танцы за отъѣздомъ гостей прекращались, играли бывало разныя пьесы. Однажды, помнится что это было въ 1814 или 1815 году, однимъ словомъ, когда я былъ по 10-му или 11-му году, играли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимое томительно сладкое состояніе, и на другой день во время урока рисованія былъ разсѣянъ; въ слѣдующій урокъ разсѣянность еще увеличилась, и учитель, замѣтя, что я рисовалъ уже слишкомъ небрежно, неоднократно журилъ меня и наконецъ, однажды, догадавшись въ чемъ было дѣло, сказалъ мнѣ однажды: что онъ замѣчаетъ, что я все только думаю о музыкѣ. «Чтожь дѣлать?» отвѣчалъ я, «музыка душа моя».

И дѣйствительно, съ той поры я страстно полюбилъ музыку. Оркестръ моего дяди былъ для меня источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ. Когда играли для танцевъ, какъ-то экосезы, матрадуръ, кадрили, вальсы, я бралъ въ руки скрипку или маленькую флейту (риссо) и поддѣлывался подъ оркестръ, разумѣется, посредствомъ тоники и доминанты. Отецъ часто гнѣвался на меня, что я не танцую и оставляю гостей, но при первой возможности я снова возвращался къ оркестру. Во время ужина обыкновенно играли русскія пѣсни, переложенныя на 2 флейты, 2 кларнета, 2 волторны и 2 фагота. Эти грустно-нѣжные, но вполнѣ доступные для меня, звуки мнѣ чрезвычайно нравились, — даже волторны на низкихъ нотахъ, когда на нихъ играли сильно (я съ трудомъ переносилъ рѣзкіе звуки), — и можетъ быть эти пѣсни, слышанныя мною въ ребячествѣ, были первою причиною того, что впоследствии я сталъ преимущественно разрабатывать народную *) русскую музыку.

ПЕРІОДЪ III.

Отъ перваго проявленія музыкальнаго чувства до отъѣзда въ С.-Петербургъ.

Около этого времени выписали намъ гувернантку изъ Петербурга, Варвару Федоровну Кляммеръ. Это была дѣвица лѣтъ 20-ти,

*) Въ оригиналѣ прежде было написано: «отечественную», но потомъ это слово зачеркнуто и поправлено такъ, какъ у насъ напечатано. Ред.

высокаго росту, строгая и взыскательная; она, если не ошибаюсь, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и взялась учить насъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки, географіи и музыкѣ; пошли въ ходъ грамматики, разговоры (dialogues), краткія описанія земель, городовъ и проч., все это надлежало заучивать въ долбяшкѣ (швольное выраженіе), т.-е., когда спрашивали, отвѣчать не запинаясь, не измѣнивъ и не проронивъ ни одного слова. Хотя музыкѣ, т.-е. игрѣ на фортепьяно и чтенію нотъ насъ учили также механически, однакожъ я быстро въ ней успѣвалъ. Варвара Федоровна была хитра на выдумки; какъ только мы съ сестрой начали кое-какъ разбирать ноты и попадать на клавиши, то сейчасъ она приказала приладить доску въ фортепьяно надъ клавишами такъ, что играть было можно, но нельзя было видѣть рукъ и клавишей, и я съ самаго начала привыкъ играть не смотря на пальцы.

Вскорѣ послѣ того взяли одного изъ (первыхъ) скрипачей моего дяди учить меня играть на скрипкѣ; въ сожалѣнію, самъ онъ игралъ не совсѣмъ вѣрно и дѣйствовалъ смычкомъ весьма неразвязно (raide), что сообщилъ и мнѣ.

Хотя я любилъ музыку почти безсознательно, однакожъ очень хорошо помню, что предпочиталъ тѣ пьесы, кои были доступнѣе моимъ тогдашнимъ музыкальнымъ понятіямъ. Оркестръ вообще я любилъ болѣе всего, а изъ оркестровыхъ пьесъ, послѣ русскихъ пѣсенъ, предпочиталъ увертюры: *Ma tante Aurore* Буальдѣ, *Lodoiska* Крейцера, *Deux aveugles* Мегюля. Эти двѣ послѣднія охотно я игралъ на фортепьяно, равно какъ нѣкоторыя сонаты Штейбелта, въ особенности *Rondo L'orage*, которое исполнялъ довольно опрятно. *Gugovetz* (чехъ Гировець) мнѣ весьма не нравился, отчасти потому, что я находилъ его сонаты слишкомъ длинными и запутанными, а еще болѣе по той причинѣ, что онѣ были очень дурно напечатаны, и въ пасмурные дни я плохо разбиралъ эту музыку, за что нерѣдко мнѣ доставалось карандашемъ по пальцамъ.

ПЕРІОДЪ IV.

Отъ поѣздки въ Петербургъ до выпуска изъ благороднаго пансіона.

Въ началѣ зимы 1817 года, матушка, братъ ея (дядя, которому принадлежалъ оркестръ), Варвара Федоровна и я съ сес-

трою отправились въ С. Петербургъ. Это путешествіе предпринято было для помѣщенія меня въ ново-открытый благородный пансіонъ при главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Хотя я и теперь ясно помню нѣкоторыя подробности этого путешествія, однакоже умолчу объ нихъ, ибо они къ дѣлу не относятся.

Когда мы въѣхали въ нашу сѣверную столицу, видъ огромныхъ стройныхъ домовъ и улицъ произвелъ на меня волшебное дѣйствіе и долго, долго сохранилось впечатлѣніе восторга и удивленія. Мои тогдашнія понятія объ архитектурномъ достоинствѣ были столь же безотчетны, какъ объ музыкѣ; пятиглавыя соборы въ русскомъ родѣ казались мнѣ торжествомъ искусства, и Казанскій соборъ мнѣ вовсе не понравился.

Вскорѣ приѣхалъ батюшка и, сейчасъ познакомясь съ инспекторомъ пансіона Линдквистомъ, и разузнавши все, приступилъ къ дѣлу. Пансіонъ нашъ помѣщался въ домѣ Отто, у Калинына моста, возлѣ больницы. Отецъ мой не щадилъ для меня издержекъ, и потому помѣстилъ меня съ тремя другими, одинаковаго со мною возраста, воспитанниками и особеннымъ гувернеромъ (В. К. Кюхельбеверомъ) въ мезонинѣ того же дома; тамъ нашлось мѣсто и для фортепьяно, которое вскорѣ замѣнили роялемъ Тишнера. Тишнеръ въ то время былъ лучшимъ мастеромъ въ Петербургѣ и механизмъ его роялей допускалъ возможность играть чрезвычайно отчетливо.

Не стану изчислять всѣхъ предметовъ, которые намъ преподавали; скажу только, что я, особенно сначала, усердно занимался во всѣхъ классахъ. Впослѣдствіи любимыми моими предметами были языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и потомъ персидскій, изъ наукъ—географія и зоологія. Я сдѣлалъ столь быстрые успѣхи въ ариметикѣ и алгебрѣ, что былъ репетиторомъ послѣдней изъ нихъ. Пройдя геометрію, я вовсе оставилъ математику, вѣроятно потому, что въ высшихъ классахъ число предметовъ значительно увеличилось.

Профессоры старшихъ классовъ были люди съ познаніями, образованные и большею частію окончившіе воспитаніе въ германскихъ университетахъ; однимъ словомъ, въ высшихъ классахъ преподавали г.г. профессора Педагогическаго Института; въ числѣ ихъ были: извѣстный Раупахъ, пр. нѣмецкой литерату-

ры, Арсеньевъ, пр. географіи и статистики, Куницынъ — правъ и проч.

Между преподавателями въ низшихъ классахъ встрѣчались оригиналы, а между гувернерами были такіе забавные типы, что до сихъ поръ воспоминанія о нихъ сохранились у всѣхъ нашихъ пансіонскихъ товарищей. Упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ.

Господинъ мусье мистеръ Биттонъ (какъ его называли дядьки*) былъ грубый англичанинъ, вѣроятно изъ шкиперовъ; онъ чрезвычайно любилъ молочную рисовую кашу и въ тотъ день, когда ее подавали, избиралъ между младшими воспитанниками нѣсколько жертвъ, которыя непременно должны были либо не знать заданныхъ имъ англійскихъ словъ, либо произносить ихъ неудовлетворительно, за что онъ кричалъ: посиди на ваши колѣни, возвышая голосъ, а послѣ третьяго раза давалъ бѣдному воспитаннику такую сильную подножку, что подъ нимъ невольно сгибались колѣни. Вечеромъ за ужиномъ, дядька Савелій всѣ порціи рисовой каши, отнимаемыя у наказанныхъ, относилъ въ дортуаръ господина мусье мистеръ Биттона, который ночью алчно пожиралъ свою добычу. Господинъ Гекъ, нѣмецъ въ ряземъ парикѣ, придерживался другой системы. Не рѣдко въ концѣ обѣда слышался его сентиментальный голосъ, опредѣлявшій наказаніе виновныхъ слѣдующимъ образомъ: *Monsieurs tel et tel privés du jardin et du dernier plat*. Бойкій французъ Трипе, мастеръ былъ играть въ лапту, но мы его не любили за его грубое съ нами обращеніе; по справкамъ оказалось, что настоящее его ремесло была мелкая торговля. Къ сему же разряду людей должно отнести злаго пьемонтца Еллену, мучившаго насъ маршировкой, о которой онъ самъ не имѣлъ понятія. Полякъ Якукевичъ, весьма неопрятнаго вида, не знавшій ничего, кромѣ бильярда, и всегда почти нѣсколько пьяный и Лумбергъ, финскаго происхожденія, довершали собраніе нашихъ оригиналовъ. Но Иванъ Екимовичъ, нашъ добрый подынспекторъ Иванъ Екимовичъ Колмаковъ, былъ нашимъ утѣшеніемъ. Когда онъ появлялся, мы всегда приходили въ веселое расположеніе. Его забавныя выходки, сопровождаемыя морганьемъ и

*) Дядьками именовались у насъ люди, служившіе за столомъ во время обѣда и ужина.

странными ужимками, сдѣлались извѣстны многимъ, не знавшимъ его личности. Воспитанникъ Соболевскій сочинилъ на него стихи, кои начинались такъ:

Подъянспекторъ Колмаковъ
Умножаетъ дураковъ;
Онъ глазами все моргаетъ
И жилеть свой поправляетъ и проч.

Coro. Allegretto.

Подъ-ни-спекторъ Кол-ма-ковъ Ум - но - жа-етъ ду-ра-ковъ;

Онъ гла-за-ми все мор-га - етъ И жилеть свой по-прав-ля - етъ.

Сей историческій кантъ пѣвали мы въ пансіонѣ во время обѣда и ужина; двѣ залы, назначенныя для трапезы (воспитанниковъ было числомъ болѣе 100 человекъ) были нѣсколько узки, но длинны; столы ставились по направленію длины залы, такъ что отъ одного конца до противоположнаго разстояніе было значительное. Иванъ Евимовичъ, будучи подъянспекторомъ, являлся, какъ только мы сѣли за столы, въ сапогахъ съ кисточками, въ сѣрыхъ брюкахъ, въ свѣтлоричневомъ фракѣ и съ лысинкой на темени. Онъ ходилъ важно взадъ и впередъ, моргая глазами и поправляя жилеть. Воспитаннику Соболевскому (который впоследствии написалъ столько превосходныхъ эпиграммъ), вздумалось воспѣть Ив. Ев., я подобралъ на стихи модную въ то время пѣсню Кавоса: душа-ль, моя душенька; выучить ее было не трудно: напѣвъ извѣстенъ былъ всѣмъ, а стихи невольно оставались въ памяти. Хотя мы всѣ любили Ив. Ев. за его неизреченную доброту, не могли однакожь утерпѣть, чтобы не подтрунить надъ нимъ, а «сіе тѣмъ болѣе», что Ив. Евимов. «извоили гнѣваться» (слова Ив. Ев.) весьма забавнымъ образомъ. Въ такихъ случаяхъ плоское рябоватое лицо его, съ носомъ въ родѣ пуговицы, краснѣло; судорожныя движенія при морганіи, поправление жилета, подымавшагося вверхъ, усиливались, а голосъ воввышался до самыхъ острыхъ и визгливыхъ нотъ сопрано.

Вотъ однажды во время трапезы является Ив. Ек., ходить съ обычною важностію взадъ и впередъ и чтоже? нѣчто въ родѣ серенады раздается въ полъ-голоса въ одномъ изъ угловъ залы. Ив. Ек. останавливается, слушаетъ, подозрѣваетъ, слышитъ наконецъ, что упоминають и о немъ, начинаетъ догадываться и рѣшительно обращаетъ шаги свои въ ту сторону, откуда раздавались звуки, напрасно! уста беззаботно, но весьма усердно жевали неприхотливыя блюда нашей скудной трапезы, а пѣснь, неумолкая, уже перешла въ противоположную сторону залы. Ив. Ек. туда — тоже усердіе въ яствамъ, а пѣснь по прежнему перенеслась въ противоположную сторону. Ив. Ек. останавливается, краснѣетъ, дрожитъ и визгливымъ дискантомъ возглашаетъ: «мальчишки! невѣжи!» и тому подобное.

Все это не мѣшало намъ однакожь отъ времени до времени тѣшиться этимъ кантомъ и, сколько помнится, И. Ек. всегда гнѣвались, но не навазывали. Вообще онъ былъ добрый и честный человѣкъ; самъ о себѣ подъ веселый часъ говорилъ: «Ванька Колмаковъ—добрый мужикъ и честный христіанинъ,» или же: честный мужикъ и добрый христіанинъ.

Ив. Ек. любилъ общество пріятелей, не презиралъ даровъ Бахуса; по 8-му пуншу говаривалъ, что языкъ худо ворочается; однакожь прибавлялъ: пошатнусь; валяться не люблю; довольно!

Науки были для Ив. Ек. истиннымъ наслажденіемъ, господствующею страстью; онъ все зналъ, все помнилъ, охотно заступалъ мѣсто непришедшаго профессора, и объяснялъ любому воспитаннику по малѣйшему намеку все. Даже въ чужихъ классахъ подсызывалъ нетвердо знавшимъ уроки, несмотря на неоднократные выговоры инспектора Яеова Васильевича Толмачева, который не рѣдко называлъ его дуракомъ. Любовь къ наукамъ необыкновенно воодушевляла И. Е. и по мѣрѣ усиленія восторга, имъ овладѣвавшаго, языкъ его становился изобрѣтательнѣе и находчивѣе. Неожиданные обороты, затѣйливость, шутка, необыкновенная перестановка словъ и сжатость рѣчи (laconisme) были отличительной чертой его способа выраженій. Приведу здѣсь для образца его затѣйливости еще одно изъ его выраженій. Однажды, рассказывая намъ объ одномъ изъ похожденій своей юности, онъ кончилъ свой рассказъ словами: зна-

ли, но подозрѣнія не было; было извѣстно, но не подозревали.

По окончаніи курса, И. Е. былъ любимымъ и всегда забавнымъ нашимъ собесѣдникомъ. Въ пансіонѣ, съ его помощью, я читалъ отрывки изъ превращеній Овидія, и ему первому обязанъ знакомствомъ съ латинской литературой.

По приѣздѣ въ Петербургъ я учился играть на фортепяно у знаменитаго Фильда и, въ сожалѣнію, взялъ у него только три урока, ибо онъ уѣхалъ въ Москву. Хотя я слышалъ его не много разъ, но до сихъ поръ хорошо помню его сильную, мягкую и отчетливую игру. Казалось, что не онъ ударялъ по клавишамъ, а сами пальцы падали на нихъ, подобно крупнымъ каплямъ дождя, и рассыпались жемчугомъ по бархату. Ни я, ни другой искренный любитель музыкальнаго искусства не согласится съ мнѣніемъ Листа, сказавшаго однажды при мнѣ, что Фильдъ игралъ вяло (*endorgi*); нѣтъ, игра Фильда была часто смѣла, капризна и разнообразна, но онъ не обезображивалъ искусства шарлатанствомъ и не рубилъ пальцами котлетъ, подобно большей части новѣйшихъ модныхъ пианистовъ.

Въ три, взятые мною, урока я выучилъ его второй дивертисементъ (*E-dur*) и получилъ отъ него лестное одобреніе. По отъѣздѣ Фильда взяли мнѣ въ учителя ученика его Омана, который началъ со мною 1-й концертъ Фильда (*Es-dur*); послѣ него Цейнеръ (*Zeuner*) усовершенствовалъ еще болѣе механизмъ моей игры, и нѣсколько даже и стиль (способъ игры, *le style*). Преподаваніе же теоріи, а именно интерваловъ съ ихъ обращеніями, шло не такъ успѣшно. Цейнеръ требовалъ, чтобы я училъ его уроки въ долбляшеу, а это мнѣ надоѣло, почему я впослѣдствіи взялъ въ учителя Карла Мейера, который современемъ сдѣлался моимъ пріателемъ. Онъ болѣе другихъ способствовалъ развитію моего музыкальнаго таланта. Въ день выпуска 1822 года я сыгралъ публично А-мольный концертъ Гумеля, а Мейеръ аккомпанировалъ мнѣ на другомъ роялѣ. На скрипкѣ дѣло шло не такъ удачно, хотя учитель мой, 1-й концертистъ Бемъ, игралъ вѣрно и отчетливо, однако не имѣлъ дара передавать другимъ своихъ познаній, и когда я дурно владѣлъ смычкомъ, говорилъ: *Messieu Klinka, Fous ne chouerez jamais du violon.*

Несмотря на то что я мало успѣвалъ, я уже могъ играть

въ оркестрѣ дяди. Въ 1819, 1820 и 1821 годахъ во время вакацій я посѣщалъ родителей; оркестръ дяди усовершенствовался и увеличился нѣсколькими мальчиками, которыхъ отецъ отдалъ учиться, чтобы имѣть собственную бальную музыку; сверхъ того для младшихъ сестеръ наняли гувернантку, мужъ которой, Карлъ Федоровичъ Гемпель, сынъ органиста изъ Веймара, былъ хорошій музыкантъ. Онъ въ свободные часы отправлялся со мною къ дядюшкѣ Аѳанасію Андреевичу Глинкѣ; вмѣстѣ восхищались мы музыкой, но сознаюсь въ моемъ тогдашнемъ невѣжествѣ: будучи уже нѣсколько знакомъ съ увертюрами Керубини и Мегюля, съ большимъ удовольствіемъ слушалъ я увертюры Россини. Изъ нихъ *Senescentola* такъ даже мнѣ понравилась, что мы съ Гемпелемъ переложили ее для фортепьяно въ 4 руки и нерѣдко потѣшались, играя ее. Около этого времени, или прежде, жилъ у насъ итальянецъ Тоди, обучавшій пѣнію и столько же плохой музыкантъ, какъ и всѣ, подобныя ему птицы пѣвчія.

Во время пребыванія въ пансіонѣ, и даже вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ, родители, родственники и ихъ знакомые возили меня въ театръ; оперы и балеты приводили меня въ неописанный восторгъ; надо замѣтить здѣсь, что русскій театръ въ то время не былъ въ такомъ бѣдственномъ состояніи, какъ нынѣ *), отъ постоянныхъ набѣговъ итальянцевъ. Несвѣдущіе, но напыщенные своимъ мнимымъ достоинствомъ, итальянскіе пѣвуны не наводняли тогда, подобно корсарамъ, столицъ Европы. Къ счастью моему ихъ тогда не было въ Петербургѣ, почему репертуаръ былъ разнообразный. Я видѣлъ оперы: «Водовозъ — Керубини», «Иосифъ — Мегюля», «Жюкондъ — Николо Изуаръ», «Красная шапочка — Буальдѣ». Теноры Климовскій и Самойловъ, басъ Зловъ были пѣвцы весьма примѣчательные, а извѣстная пѣвица наша Сандунова, хотя уже не играла на театрѣ, но участвовала въ большихъ концертахъ и я слышалъ ее въ ораторіяхъ. Тогда я худо понималъ серьезное пѣніе, и солисты на инструментахъ и оркестръ нравились мнѣ болѣе всего.

Въ одинъ изъ приѣздовъ моего отца въ Петербургъ, онъ по-

*) Писано въ 1854 году.

Примѣч. Глинки.

везъ меня въ Львовымъ, и нѣжные звуки милой скрипки Алексѣя Федоровича глубоко врѣзались въ моей памяти.

Въ послѣдній годъ курса около зимы 1821 на 1822 годъ приѣхалъ въ Петербургъ дядя Аѳанасій Андреевичъ; я воспользовался неважнымъ разстройствомъ здоровья, чтобы на время переѣхать къ нему. Жили мы въ домѣ генерала Василія Васильевича Энгельгардта (племянника фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго); онъ благоволилъ ко мнѣ и въ послѣдствіи я сохранилъ дружескія отношенія къ его сыновьямъ и ихъ семействамъ. Внукъ же генерала Василія Васильевича, Василій Павловичъ Энгельгардтъ, воспитанный въ училищѣ правовѣдѣнія, въ молодомъ возрастѣ страстно полюбилъ музыку. У него теперь хранятся всѣ мои рукописи, которыя можно было отыскать; въ копияхъ то, что въ рукописяхъ утратилось*). Въ послѣднее время, его дѣятельной и искренней дружбѣ я долженъ большею частію моихъ музыкальныхъ наслажденій.

Всякій разъ когда мнѣ удавалось отпроситься на нѣсколько времени изъ пансіона, я былъ чрезвычайно радъ. Старикъ генералъ меня жаловалъ; въ непродолжительномъ времени я подружился съ однолѣтвой — моей двоюродной сестрой Софіей Ивановной, дѣвушкой отличнаго воспитанія, доброй, милодивной и любившей также музыку и чтеніе. Отецъ ея Иванъ Андреевичъ (братъ Аѳанасія Андреевича) былъ хорошій музыкантъ, у него былъ большой запасъ разныхъ пьесъ, преимущественно увертюръ въ 4 руки для фортепьяно; тутъ были увертюры Керубини, Мегюля, Моцарта, Ричини, Спонтини, Пера и Россини. Все это мы довольно опрятно играли и потѣшали нашихъ знакомыхъ. Я не пропускалъ случая быть гдѣ либо на концертѣ, и всякій разъ, когда только было возможно, возили меня къ П. П. Юшкову, гдѣ еженедѣльно играли и пѣли. Оркестръ, хотя не совсѣмъ полный, былъ хорошъ. Дядюшка Аѳ. Ан. повезъ меня однажды къ знаменитому Гуммелю въ бытность его въ Петербургѣ; онъ благосклонно выслушалъ, какъ я сыгралъ 1-е соло его А-мольнаго концерта. Потомъ онъ намъ импровизи-

*) Все это драгоценное собраніе сочиненій Глинки въ 1867 г. В. П. Энгельгардтомъ принесено въ даръ Императорской публичной бібліотекѣ и подробно описано В. В. Стасовымъ. См. отчетъ н. п. б. за 1867 годъ, гдѣ на стр. 19—55 помѣщено и самое описаніе.

ровалъ. Онъ игралъ мягко, отчетливо и какъ бы уже прежде имъ сочиненную и хорошо затверженную пьесу*).

Въ началѣ весны 1822 года представили меня въ одно семейство, гдѣ я познакомился съ молодой барыней красивой наружности; она играла хорошо на арфѣ и сверхъ того владѣла прелестнымъ сопрано. Голосъ ея не походилъ ни на какой инструментъ; это былъ настоящій, звонкій, серебряный сопрано, и она пѣла естественно и чрезвычайно мило. Ея прекрасныя качества и ласковое со мною обращеніе (она называла меня племянничкомъ, а я ее тетушкой) разшевелили мое сердце и воодушевили мое воображеніе. Она любила музыку и часто цѣлые часы, сидя подлѣ фортепьяно, когда я игралъ съ дядею, подпѣвала намъ, въ любимыхъ ею мѣстахъ, своимъ звонко серебрянымъ голосомъ. Желая услужить ей, вздумалось мнѣ сочинить варьяціи на любимую ею тему (C-dur) изъ оперы Вейгля «Швейцарское семейство». Вслѣдъ затѣмъ написалъ я варьяціи для арфы и фортепьяно на тему Моцарта Es-dur. Потомъ собственнаго изобрѣтенія вальсъ для фортепьяно F-dur **); болѣе этого не помню, знаю только, что это были первыя мои попытки въ сочиненіи, хотя я еще не зналъ генераль-баса, и что я тогда въ первый разъ познакомился съ арфою, прелестнымъ инструментомъ, если его употреблять во время. Это поэтическое препровожденіе времени отвлекало меня отъ дѣла и я всегда находилъ способъ въ послѣдній годъ пребыванія въ пансіонѣ, подъ предлогомъ болѣзни, гостить у дядюшекъ; до того же времени я учился примѣрно, вель себя хорошо, былъ любимъ столько же товарищами, сколько отличенъ профессорами. Въ 19, 20 и 21 годахъ получилъ на экзаменахъ похвальные листы, гравюру и другія награды. Кстати о гравюрѣ. Въ рисованіи я, безъ сомнѣнія, дошелъ бы до нѣкоторой степени совершенства, но академики Безсоновъ и Сухановъ замучили меня огромными головами и, требуя рабскаго подражанія штрихъ въ штрихъ, довели до того, что я просто

*) На полѣ рукою Глинки написано карандашомъ: «отзывъ о Мейертъ».

**) Изъ этихъ пьесъ, по свидѣтельству В. В. Стасова (Р. В. 1857 г. № 20, стр. 792), уцѣлѣли только варіяціи для арфы съ фортепьяно, записанныя вновь Глинкою въ 1854 году по воспоминаваніямъ сестры его Л. И. Шестаковой, игравшей ихъ въ дѣтствѣ.

отказался отъ ихъ уроковъ. Математику я разлюбилъ, когда дошелъ до аналитики; уголовное и римское право мнѣ вовсе не нравилось. Въ танцахъ я былъ плохъ, равно какъ и въ фехтованіи; нашими учителями были Севербрикъ и Гавеманъ; первый часто говаривалъ: ей, Глинка, заколю! и дѣйствительно колоть меня.

Преимущественно я усѣвалъ въ языкахъ: нѣмецкій выучилъ въ полгода, въ изумленію профессора; латинскій съ И. Е., англійскій и персидскій съ профессоромъ Джафаромъ шли удачно. Географію зналъ хорошо, — исторію порядочно. Естественныя науки, въ особенности зоологію, любилъ страстно. Еще до пансіона я началъ замѣчать дивное разнообразіе естественныхъ произведеній. У дяди Аѳ. Андр. было множество птицъ въ влѣткахъ и въ отдѣленной сѣткою части гостинной, гдѣ онѣ летали. Я любилъ смотрѣть на нихъ и слушать ихъ пѣніе. Намъ досталось также множество птицъ, по наслѣдству, отъ дяди (брата моего отца). Въ самый годъ отъѣзда изъ деревни въ Петербургъ у меня уже летали птицы по комнатѣ, а когда мы жили у Калинкина моста—надъ мезониномъ, гдѣ я былъ помѣщенъ, какъ уже было сказано, отцемъ моимъ, въ большомъ чердакѣ, мезонину принадлежавшемъ, разведены были разнаго рода голуби и кролики, которые тамъ превосходно водились. Болѣе же всего способствовало развитію страсти моей къ зоологіи посѣщеніе нами кунсткамеры, подъ руководствомъ профессора Зембницеаго, который объяснялъ намъ предметы.

За нѣсколько времени до выпуска я принялся за науки, надеясь на мою память, но догнать товарищей было невозможно. Математику я давно оставилъ, и очень хорошо помню, что изъ уголовного права выучилъ только одну статью; на вопросъ профессора отвѣчалъ ему совсѣмъ не то, о чемъ онъ спрашивалъ, но такъ ловко, что экзаменаторъ, профессоръ Зябловскій, остался мною доволенъ, несмотря на худо скрытый гнѣвъ профессора правъ. Однимъ словомъ, отчасти за прежнія заслуги, отчасти отъ ловкихъ моихъ увертокъ произошло, что въ началѣ лѣта 1822 года я былъ выпущенъ первымъ, съ правомъ на чинъ 10-го класса.

ПЕРИОДЪ V.

Отъ выпуска изъ пансіона до первой поѣздки за границу.

Я не сейчасъ вступилъ по выпускѣ на службу; кажется, навѣстилъ родителей и, возвратившись въ Петербургъ, поселился не подалеку отъ бывшаго нашего прежняго инспектора Линдквиста, у котораго завтракалъ и обѣдалъ за условленную плату. Отецъ желалъ, чтобы я служилъ по иностранной коллегіи, которая въ то время считалась почетнѣйшею службою. А. А. Линдквистъ участвовалъ въ редакціи «Journal de St.-Pétersbourg» и могъ быть мнѣ весьма полезенъ, познакомивъ меня съ французскимъ дипломатическимъ языкомъ. Плохо однакоже шли наши занятія; мнѣ этотъ языкъ, вовсе не поэтический, казался чѣмъ-то дикимъ и нивагъ не входилъ въ голову; съ Мейеромъ и даже Бѣмомъ напротивъ того я быстро успѣвалъ. Не помню однакожъ, сочинилъ ли я что въ это время и учился ли теоріи? Помню очень хорошо, что я взялъ нѣсколько уроковъ у Фукса, но когда то было, опредѣлить не могу.

Въ началѣ марта 1823 года отецъ извѣстилъ меня, что ему угодно было, чтобы я воспользовался представившимся удобнымъ случаемъ для поѣздки на Кавказъ, чтобы пользоваться тамъ минеральными водами. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ изъ пансіона къ родителямъ во время вакацій, будучи у замужней двоюродной сестры, которую лечили (и потомъ вылечили) магнетизмомъ въ одинъ изъ сеансовъ, въ состояніи ясновидѣнія она сказала, что для моего золотушнаго расположенія мнѣ будутъ полезны кавказскія минеральныя воды. Я немедленно собрался въ путь, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ дяди моего Ивана Андреевича, съ двумя дочерьми Софьею и Евгениею Ивановнами, представилъ мнѣ весьма удобный и пріятный способъ доѣхать до нашего села Новоспаскаго. Выѣхавъ въ мартѣ, т.-е. въ самую распутицу, едва подвигались мы въ четырехъ-мѣстной старинной крытой линейкѣ съ фартуками. Путешествіе это было пріятно. Съ Софіей Ивановной я былъ друженъ, а Евгения Иван., только-что выпущенная изъ Екатерининскаго института, была премилая и презабавная дѣвушка. Малѣйшее приключеніе давало поводъ къ смѣху или непритворной радости. Такъ напр.: однажды, остановясь ночью на станціи, мы застали тамъ нѣ-

сколько кадетъ; одинъ изъ нихъ былъ лунатикъ и каждую ночь имѣлъ привычку прятать сапоги своихъ товарищей. Потомъ въ 400 верстахъ наша линейка увязла въ полурастопившемся снѣгу, такъ что впряженные почтовые лошади вытащить ее не могли; пришлось послать искать помощи. Къ счастью это случилось не подалеку отъ богатаго помѣщика Жеребцова, который прислалъ за нами прекрасныхъ лошадей съ экипажами и потомъ нѣсколько дней продержалъ насъ, угощая съ невыразимымъ радушіемъ. Самъ онъ былъ человѣкъ веселый и словоохотливый, любилъ жить весело; былъ у него домашній театръ, представленія на которомъ были забавны, но еще забавнѣе были репетиціи; такъ напр.: на репетиціи «Русалки» Кауера явились актеры-дворовые люди, въ самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ костюмахъ, каждый въ соотвѣтствующемъ его должности или занятію.

Доѣхавъ до дому, я пробылъ тамъ до послѣднихъ чиселъ апрѣля. Отецъ снабдилъ меня коляской, далъ мнѣ человѣка (моего бывшаго дядьку, по имени Илью) и повара Аванасія. Выѣхавъ изъ дому въ сырую и свѣжую погоду, чрезъ нѣсколько дней, около Орла повѣяло теплымъ дыханіемъ весны, а перѣѣхавъ Оку, очутился я уже въ другой, новой для меня, южной полосѣ. Дубовыя рощи замѣнили наши березовыя; по оврагамъ, вмѣсто лозы, начали появляться груши, яблони и вишни въ цвѣту; видъ полей и деревень съ бѣленькими мазанками, вмѣсто черныхъ бревенчатыхъ избъ, не регулярно тянувшихся, но живописно разбросанныхъ, все это тѣшило взоръ днемъ, а ночью ясное, усѣянное ярко-блестящими звѣздами, небо восхищало меня. Такимъ образомъ прибылъ я въ Харьковъ въ 10 мая. Отецъ желалъ, чтобы я отправился на Кавказъ, потому что ѣхалъ туда знакомый его, человѣкъ образованный и солидный, бывшій управляющій смоленской удѣльной конторы, Петровскій-Муравскій, и въ тоже время одинъ изъ смоленскихъ врачей, Лазарь Петровичъ Быковскій отправлялся туда же съ семействомъ. Съ первымъ изъ нихъ я долженъ былъ сѣхаться въ Харьковъ; чтобы не терять времени я, по совѣту одного петербургскаго знакомаго, отрекомендовался, сколько умѣлъ, г-ну Витѣвскому, у котораго былъ въ то время весьма хорошій музыкальный магазинъ въ Харьковѣ. Сыгравъ 1-ое соло концерта

А-полл Гуммеля, я произвелъ столь пріятное впечатлѣніе, что сейчасъ же познакомился съ музыкальнымъ семействомъ хозяина и меня, до самаго приѣзда ожидаемаго мною товарища, потѣшали музыкою.

Наконецъ прибылъ товарищъ съ братомъ своимъ, и мы отправились далѣе; вскорѣ безпредѣльные степи смѣнили живописную Украину; мы переѣхали Донъ въ Овсаѣ и очутились въ Азіи; что несказанно льстило моему самолюбію. Скажу однакожь, что до самаго прибытія на сѣрныя воды (нынѣ Пятигорскѣ), взоръ не находилъ предметовъ пріятныхъ, напротивъ, почти ничего не было видно, кромѣ безпредѣльныхъ степей, заросшихъ густой высокой ароматической травой. Видъ тепершняго Пятигорска былъ въ то время совершенно дикій, но величественный; домовъ было мало, церквей, садовъ вовсе не было; но также, какъ и теперь, тянулся величественно хребетъ кавказскихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, также по равнинѣ извивался ленточкой Подкумокъ и орлы во множествѣ ширяли по ясному небу. Я съ товарищами поселился въ скромномъ домикѣ. Житіе было пріятное; товарищъ привезъ запасъ книгъ, кухня была въ порядкѣ, отличная баранина, куры, дичь и превосходнѣйшія овощи, давали нашимъ поварамъ возможность хорошо кормить насъ, а сантуринское вино (которое я и теперь еще пью охотно*) замѣняло намъ дорогія фряжскія вина. Вообще мнѣ тамъ было хорошо, особенно въ Пятигорскѣ. Между прочимъ я видѣлъ пляску черкешенокъ, игру и скачку черкесовъ мирныхъ ауловъ, разумѣется. Были у меня также ручныя дикія козочки.

Вскорѣ по приѣздѣ мы приступили къ леченію, т.-е. начали брать теплыя сѣрныя ванны и пить воду изъ такъ-называемаго кисло-сѣрнаго источника. Впослѣдствіи я купался, или, лучше, варили меня въ ваннѣ, изсѣченной еще черкесами въ камнѣ, откуда шла струя сѣрной воды въ 37 или 38 градусовъ по Реомюру. Товарищу воды чрезвычайно помогли и поставили его на ноги (онъ съ трудомъ двигался). Вѣроятно и я бы получилъ отъ нихъ значительную пользу, если бы сообразовались съ моимъ

*) На полѣ рукою Глинка написано карандашомъ: «Тимковскій и предстателіе князю Меншикову».

слабонервнымъ сложеніемъ и заставляли бы меня меньше пить и купаться въ водѣ, разведенной съ охлажденною прежде, какъ то дѣлается въ Ахенѣ.

Взявши нѣсколько ваннъ кисло-сѣрныхъ, отправились мы на желѣзныя воды, расположенныя посреди лѣсовъ на площадкѣ на половинѣ горы. Мѣстоположеніе этихъ водъ дивное, но чрезвычайно живописное; былъ тогда одинъ только деревянный домъ для помѣщенія пользующихся; это не находилъ тамъ пристанища, разбивалъ палатку изъ войлока, и ночью, когда блистали огоньки, площадка эта походила на кочевье дивныхъ воиновъ. Остатокъ горы до самой вершины покрытъ былъ густымъ лѣсомъ; дивнѣй виноградникъ оплеталъ цѣлыя купы кустарниковъ и мелкихъ деревьевъ; орлы летали почти надъ головами. Однажды я видѣлъ, какъ туча, пронесшаяся въ нашу сторону, покрыла насъ всѣхъ своимъ густымъ туманомъ.

Послѣ нѣсколькихъ ваннъ желѣзной воды въ 32 градуса по Реомюру, я началъ чувствовать себя дурно, а вскорѣ жестокія головныя боли принудили меня, равно какъ и товарища оставить эти воды. Мы отправились въ Кисловодскъ и, помнится, ѣхали съ конвоемъ и пушкой, что объясняется тѣмъ, что въ слѣдующемъ 1824 году черкесы учинили сильное нападеніе и вырѣзали нѣсколько близлежащихъ деревень.

Мѣстоположеніе Кисловодска веселѣе Пятигорска; но въ мое время было тамъ еще мало домовъ, а деревъ вовсе не было. На плоскихъ вершинахъ пригорковъ, расположенныхъ грядями, и весьма похожихъ на обружающіе въ Кастиліи городъ Вальядолидъ (ragamos) парамось, густая ароматическая трава (въ іюлѣ и августѣ), когда на равнинахъ все уже выгорѣло отъ зноя, возвышалась такъ, что покрывала коня съ всадникомъ до шапки.

И здѣсь надлежало пить воду и купаться въ Нарзанѣ (8 град. по Реомюру), и здѣсь дѣло шло столь же неудачно, какъ на желѣзныхъ водахъ. Скоро я почувствовалъ лишеніе сна и аппетита, и докторъ Бывовскій самъ убѣдился, что мнѣ Нарзанъ вреденъ и чтобы исправить разстроенный желудокъ, пользовалъ меня (не безъ успѣха), горькими, настоенными въ винѣ, травами; сонъ же не могъ такъ скоро возвратиться, отчасти отъ того, что не легко успокоить однажды раздраженные нервы, а

также и отъ земляныхъ блохъ, которыя по ночамъ не давали мнѣ возможности сомкнуть глазъ.

На обратномъ пути, разставшись съ товарищами въ Харьковѣ, я почувствовалъ, приближаясь къ Орлу, лихорадочные припадки, и остановясь, по прибытіи въ Орель, у знакомаго купца, занемогъ лихорадкою съ нарывами на мѣстахъ, гдѣ были отъ рожденія лишай. Черезъ нѣсколько дней болѣзнь миновалась сама собою, а съ ней исчезли и лишай. Полагали, что я радикально вылеченъ, но весьма ошиблись, какъ это окажется впоследствии.

Въ началѣ сентября я возвратился въ Новоспасское и, отдохнувъ, съ новымъ рвеніемъ принялся за музыку. Во время путешествія, продолжавшагося четыре мѣсяца, въ одномъ только Харьковѣ у меня было фортепьяно, а на скрипкѣ я игралъ весьма неудовлетворительно. Сверхъ того раздражительное дѣйствіе минеральныхъ водъ, и множество новыхъ впечатлѣній возбуждали мое воображеніе, и я принялся за дѣло слѣдующимъ образомъ.

Чтобы добиться болѣе отчетливаго исполненія, всякій разъ, когда прибѣжали музыканты (а это было приблизительно два раза въ мѣсяць, причѣмъ они оставались нѣсколько дней, а иногда около недѣли), прежде общей пробы, я проходилъ съ каждымъ музыкантомъ (исключая немногихъ лучшихъ) его партію, до тѣхъ поръ, пока не было ни одной невѣрной или даже сомнительной ноты въ исполненіи. Такимъ образомъ я подмѣтилъ способъ инструментовки большей части лучшихъ композиторовъ для оркестра (Глюка, Генделя и Баха я зналъ только по наслышкѣ). Потомъ слышалъ общій эффектъ пьесы, ибо, производя первыя пробы вмѣстѣ, я самъ управлялъ оркестромъ, играя на скрипкѣ. Когда же пьеса шла порядочно, я отходилъ на нѣкоторое разстояніе и слѣдилъ такимъ образомъ эффектъ изученной уже инструментовки. Репертуаръ состоялъ по большей части изъ увертюръ, симфоній, а иногда игрались и концерты.

Изъ увертюръ были: Cherubini: Medea, Hotellerie portugaïse, Fâniska, Lodoiska, Les deux journées, первыя двѣ были моими любимыми; Mehul: Joseph, Le trésor supposé, L'irato; Mozart: Don Juan, Zauberflöte, Clemenzo di Tito, Nozze de Figaro; Beethoven: Fidelio (E-dur); Bernard Romberg (Es-

dur) и Маурера (Es-dur, въ которой недоставало альтовой партіи и я, разложивъ остальные партіи по стульямъ и сравнивая ихъ, написалъ альтъ и полагаю, совершенно безошибочно). Симфоній было три: Гайдна B-dur, Моцарта G-moll, и Beethoven вторая D-dur. Эту послѣднюю я любилъ въ особенности. Россіи увертюръ уже не играли.

Въ послѣднее время пребыванія моего въ Петербургъ, Мейеръ значительно развилъ мой музыкальный вкусъ. Онъ не ограничился только тѣмъ, что, требуя отъ меня отчетливаго и непринужденнаго исполненія, возставалъ рѣшительно противъ изысканнаго и утонченнаго выраженія въ игрѣ, но также по возможности соображаясь съ тогдашними моими понятіями, объяснялъ мнѣ естественно и безъ педантства достоинство пьесъ, отличая классическія отъ хорошихъ, а сіи послѣднія отъ плохихъ. О сочиненіи вообще, о генераль-басѣ, контрапунктѣ и другихъ условіяхъ хорошаго способа писать, мои понятія были столь неопредѣленны, что я принимался за перо, не зная ни съ чего начать, ни какъ и куда идти. Я предпринялъ писать сперва Септетъ, потомъ Adagio и Rondo для оркестра. Если эти пьесы уцѣлѣли между хранящимися у В. П. Энгельгардта моими манускриптами, то могутъ послужить только доказательствомъ моего тогдашняго невѣжества въ музыкѣ *).

Въ мартѣ или апрѣлѣ 1824 года, я возвратился въ Петербургъ; приискавъ квартиру въ Коломнѣ, не снѣвшиль однакожъ опредѣленіемъ на службу. Со мною, кромѣ дядьки Ильи, было двое музыкантовъ: одинъ изъ нихъ Яковъ, впоследствии извѣстный всѣмъ по карриатурамъ Н. А. Степанова, игравшій нѣсколько на виолончелѣ, и братъ его Алексѣй, уже довольно порядочный скрипачъ. Сему послѣднему наняли въ учителя перваго скрипача оркестра В. В. Юшкова; я же съ новымъ рвеніемъ принялся за фортепьяно и скрипку. Карлъ Мейеръ уже не давалъ мнѣ уроковъ; онъ сказалъ однажды: «Vous avez trop de talent pour que je vous donne des leçons. Venez en ami tous les jours et nous ferons de la musique ensemble». Я съ искреннею признательностью вспоминаю объ этихъ дружескихъ выраженіяхъ, которыя оправдались на дѣлѣ; я посѣщалъ почти еже-

*) Пьесы эти утрачены. Р. В. 1857. № 20, стр. 792.

дневно Мейера, который жилъ съ матерью своею и сестрами; съ старшей изъ нихъ Henriette (потомъ m-me Garegnani), я не рѣдко игрывалъ въ 4 руки. Мейеръ же самъ попрежнему давалъ мнѣ разные пьесы, иногда свои, а чаще еще Гуммеля. Весьма терпѣливо разсматривая мои опыты въ сочиненіи, онъ объяснялъ мнѣ, сколько умѣлъ, правила искусства; никогда однакоже не ставилъ себя и своего стиля образцами, напротивъ того: Моцартъ, Керубини, Бетховенъ и другіе классики были въ такихъ случаяхъ указываемы имъ, какъ высшая степень совершенства. Былъ въ то время въ Петербургѣ знаменитый контрапунтистъ Миллеръ, но мнѣ какъ-то не удавалось познакомиться съ нимъ. Какъ знать! можетъ быть оно и лучше. Строгий нѣмецкій контрапунтъ не всегда соглашается съ пылкой фантазіей *).

Въ началѣ весны тогоже 1824 года, я встрѣтился съ однимъ дальнимъ родственникомъ, который представилъ меня въ домъ зятя своего (beau-frère), бывшего тогда правителемъ канцеляріи совѣта путей сообщенія. У него было вакантное мѣсто помощника секретаря съ приличнымъ окладомъ. Отецъ въ то время съ трудомъ удовлетворялъ моимъ издержкамъ на уроки музыки и языковъ; при томъ, думалъ я, начать службу гдѣ бы ни было — все равно; потомъ можно будетъ перейти и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; да правду сказать, не чувствовалъ я особеннаго призванія къ дипломатической службѣ. Такимъ образомъ, 1824 г. мая 7-го дня я вступилъ въ службу въ канцелярію совѣта путей сообщенія, помощникомъ секретаря. Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу мою. Съ одной стороны я долженъ былъ находиться въ канцеляріи только отъ 5 до 6 часовъ въ день; работы на домъ не давали, дежурства и отвѣтственности не было; слѣдственно все остальное время я могъ предаваться любимымъ моимъ занятіямъ, въ особенности музыкѣ. Съ другой стороны, мои отношенія по службѣ доставили мнѣ въ короткое время знакомства весьма полезныя въ музыкальномъ отношеніи.

Въ канцелярію нашу поступали дѣла изъ департамента, которыя у насъ приготовлялись для доклада совѣта, состоявшему

*) Прежде было написано: «не всегда полезенъ пылкой фантазіи».

изъ 4-хъ генераловъ; старшій членъ былъ графъ Сиверсъ, человекъ ученый, любознательный, большой любитель музыки и, что еще лучше, хорошей классической музыки. Графиня Сиверсъ пѣла перваго сопрано; у нея былъ голосъ вѣрный, звонкій и пріятный. Второй сопрано пѣла г-жа Крюковская. Братъ графини Крюднеръ и Гиппиусъ, оба хорошіе музыканты, пѣли басовыя партіи. Перваго тенора — братъ Гиппиуса, а, когда случалось нужно, я пѣлъ второго тенора; исполняли только классическія пьесы, между прочимъ Финаль «Водовоза» 1-го акта, въ коемъ участвовалъ и я, въ партіи Антоніо. Аккомпанировалъ обыкновенно Мейеръ на фортепяно. Кромѣ пѣнія, иногда исполняли и другія пьесы; я помню, что въ одинъ изъ музыкальныхъ вечеровъ произвели 2 квинтета: одинъ Моцарта, а другой Бетховена (оба Es-dur) съ духовыми инструментами. Кромѣ дома графа Сиверса, гдѣ меня принимали чрезвычайно радушно, у меня было много другихъ знакомствъ, которыя доставилъ мнѣ домъ правителя нашей канцеляріи, Александра Николаевича Бахтурина.

Въ теченіи лѣта 1824 года, я переѣхалъ въ домъ Фалѣева (тоже въ Коломнѣ) и вскорѣ перешелъ ко мнѣ родственникъ Александръ Ивановичъ Кипріяновъ (мужъ двоюродной сестры, которую лечили магнетизмомъ), человекъ чрезвычайно умный, образованный и пріятный. Видя, съ какою неистовою страстью я предавался композиціи, онъ старался отклонить меня отъ этой, по его мнѣнію, пагубной склонности, увѣряя, что талантъ исполненія на фортепяно и скрипкѣ, кромѣ собственнаго удовольствія, дѣйствительно можетъ доставить мнѣ пріятныя и полезныя знакомства, а отъ композиціи, говорилъ онъ, кромѣ зависти, досады и огорченій, ничего не должно надѣяться. Я отчасти извѣдалъ справедливость его словъ.

Мы съ Александромъ Ивановичемъ были свидѣтелями наводненія 1824 года 7 ноября. При первомъ появленіи воды на улицахъ народъ шелъ отъ обѣдни, и барыни подымали платья до колѣна, что насъ забавляло. Когда же вода начала значительно прибывать, я обратился въ жившимъ надо мною (наша квартира была въ нижнемъ этажѣ), съ просьбою позволить на время перенести мой рояль въ нимъ. Экономка нѣмга, оставшаяся за отсутствіемъ барыни, ломала руки и плакала горь-

ко, сопровождая оханья соболѣвнованіями объ утонувшей коро-
ровѣ на ломаномъ нѣмецко-русскомъ языкѣ. Родъ перенесли,
но вода, достигнувъ порога моей квартиры, начала убывать.

Мужской компаніи я тогда не любилъ; предпочиталъ же
общество дамъ и молодыхъ дѣвицъ, коимъ нравился мой музы-
кальный талантъ. Я скоро убѣдился въ необходимости умѣть
танцовать, и началъ учиться у Гольца, занимался съ нимъ около
двухъ лѣтъ и дошелъ до *entrechat double* и *ailes de pigeons* и
до другихъ па, коими въ то время франтили ловкіе танцоры.

Около того же времени, или нѣсколько позже, не помню,
я познакомился съ итальянскимъ пѣвцомъ Belloli и началъ у
него учиться пѣнію (итальянскому). Голосъ мой былъ сильный,
нѣсколько въ носъ и неопредѣленный, т.-е. ни теноръ, ни бари-
тонъ. Скажу, что хотя слухъ былъ у меня отличный, въ пер-
вые мѣсяцы отъ непривычки слышать себя, я пѣлъ невѣрно.
Беллоли училъ хорошо, и владѣлъ еще голосомъ достаточно,
такъ что могъ самъ пѣть все, чему училъ меня. Музыку *buffa* я
вскорѣ началъ исполнять очень порядочно.

Несмотря на частыя занятія съ Мейеромъ, его объясненія
и постоянное глубокое напряженіе, съ которымъ я трудился,
въ сочиненіи все еще не было толку. Помню, что въ это время
я написалъ квартетъ для двухъ скрипокъ, альты и віолончели
(*D-dur*), но эта попытка удалась не лучше прежнихъ.

Въ 1825 году, я познакомился съ семействомъ княгини Хо-
ванской. Старшій сынъ ея Юрій Сергѣевичъ воспитывался въ
Царевосельскомъ Лицеѣ; я съ нимъ подружился и въ короткое
время былъ принятъ въ домъ, какъ родной. Кромѣ дочерей и
родственницъ, жила у нихъ въ домѣ дѣвица Лигле, изъ Вѣ-
ны; она учила музыкѣ дочерей княгини, превосходно играла съ
листа (*à livre ouvert*) и аккомпанировала. Съ ней я много игралъ
въ 4 руки, большею частію квартеты Гайдна, симфоніи Гайдна,
Моцарта и даже нѣкоторыя пьесы Бетховена. Они тогда жили
въ Царскомъ Селѣ; я иногда приѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько
дней: мое появленіе приводило всѣхъ въ радость; знали, что
гдѣ я, тамъ скуки не будетъ. Дѣйствительно, я умѣлъ въ то
время (милое время!) разнообразно потѣшать моихъ знаемыхъ,
въ особенности удачнымъ исполненіемъ сценъ изъ оперъ *buffa*.

Я познакомился также съ Д. П. Демидовымъ, котораго

дочь, Елена Дмитриевна, считалась, по справедливости, одной изъ первыхъ пѣвицъ-любительницъ въ столицѣ. Она владѣла чрезвычайно могучимъ контральто, но могла также исполнять и партіи сопрано. Лигле обыкновенно сопровождала пѣніе на фортепьяно, а Беллоли весьма часто пѣвалъ съ нею дуэты различныхъ *maestro*.

По всей справедливости я много обязанъ музыкальнымъ упражненіямъ въ домѣ Демидова.

Около этого времени я написалъ первое *allegro* сонаты D-moll для фортепьяно съ альтомъ. Это сочиненіе опрятнѣе другихъ, и я производилъ эту сонату съ Беллоли и Лигле; въ послѣднемъ случаѣ я игралъ на альтѣ. *Adagio* написано было позже, а *Rondo*, мотивъ котораго въ русскомъ родѣ памятенъ мнѣ до сихъ поръ, я и не принимался писать (я недавно помѣстилъ его въ Дѣтской полькѣ).

Первая неудачная попытка въ сочиненіи съ текстомъ относится къ этому времени. Это былъ романсъ на слова Константина Александровича Бахтурина, сына правителя нашей канцеляріи. Когда же сочиненъ мною первый удачный романсъ: «Не искушай меня безъ нужды» (слова Баратынскаго)—не помню, по соображенію полагаю, что я написалъ его около этого времени, т.-е. въ теченіи 1825 года. Въ концѣ лѣта я переѣхалъ на Загородный проспектъ, въ домъ Нечаевой, на квартиру Александра Яковлевича Римскаго-Корсака, пансіоннаго товарища и земляка. Квартира наша, очень уютная, находилась во второмъ этажѣ (*au premier*) маленькаго флигеля на дворѣ; къ нему принадлежалъ садъ, которымъ мы имѣли право пользоваться, въ саду была бесѣдка съ назидательною надписью: «Не пошто далече, и здѣсь хорошо».

«Въ концѣ этого года я встрѣчался иногда съ нѣкоторыми изъ прежнихъ товарищей; одинъ изъ нихъ упрекалъ меня за то, что я оставилъ серьезныя занятія, чтобы терять драгоценное время въ суетности, какъ говорилъ онъ, въ забавахъ. Я помню, что отвѣтилъ ему въ такомъ смыслѣ, что успѣю себѣ и послѣ, а теперь считаю приличнымъ соображаться съ наклонностями своими и возрастомъ. Этотъ самый товарищъ былъ жертвою своего легкомыслія; онъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и сосланъ въ Сибирь въ 1826 году.

«Декабря 14-го, рано утромъ зашелъ къ намъ старшій сынъ Линдвиста (бывшаго у насъ инспекторомъ въ пансионѣ); мы пошли на площадь и видѣли, какъ Государь вышелъ изъ дворца. До сихъ поръ у меня ясно сохранился въ душѣ величественный и уваженіе внушающій видъ нашего Императора; я до тѣхъ поръ никогда не видалъ его. Онъ былъ блѣденъ и нѣсколько грустенъ; сложивъ спокойно руки на груди, пошелъ онъ тихимъ шагомъ прямо въ средину толпы, и обратился къ ней съ словами: «дѣти, дѣти, разойдитесь!» Мы пробыли на площади нѣсколько часовъ, потомъ я, вынужденный голодомъ (ибо не завтракалъ), отправился къ Бахтуринымъ. Можетъ быть, это, повидимому неважное, обстоятельство спасло меня отъ смерти или увѣчья; вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы, направленные противъ мятежниковъ. Нѣсколько дней спустя въ полночь послышался шумъ у воротъ, растворилась дверь квартиры и полковникъ Варенцовъ, дежурный штабъ-офицеръ нашего вѣдомства, повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ явиться немедленно къ его высочеству. Вообразите меня, едва проснувагоса, вовсе не знавшаго въ чемъ дѣло, прибавьте, что между мятежниками были очень знакомые мнѣ люди, однимъ словомъ, я почувствовалъ (хотя на короткое время) то чувство, которое мы называемъ страхомъ. Сердце замерло, а душа, какъ говорится, ушла въ пятки. Оправясь, въ минуту я одѣлся, и во время переѣзда къ главнокомандующему путями сообщеній герцогу Виртембергскому, брату вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны, я попросилъ полковника сказать мнѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Одного слова достаточно было, чтобы меня успокоить; вотъ въ чемъ было дѣло.

«У Кюхельбекера *) (бывшаго нашего гувернера), участвовавшаго въ мятежѣ, было два племянника (сына его сестры Устины Карловны), Дмитрій и Борисъ Григорьевичи. Онъ убѣждалъ, его искали и подозрѣвали, что онъ укрывался въ столицѣ у одного изъ племянниковъ **). Мнѣ легко было въ двухъ сло-

*) Въ подлинникѣ вычеркнуто слѣдующее примѣч. Глинки: «Кюхельбекеръ былъ у насъ въ мезонинѣ сначала особеннымъ для меня съ товарищами гувернеромъ, потомъ преподавалъ синтаксисъ и сочиненіе на русскомъ языкѣ».

**) Въ подлинникѣ вычеркнуты Глинкой слѣдующія слова: «Убѣжденный сколько въ ихъ добрыхъ качествахъ, столько и въ томъ, что они...»

вахъ отклонить отъ меня подозрѣнiе, тѣмъ болѣе, что Дмитрiй и Борисъ были дѣти Григорiя Андреевича Глинки, бывшаго кавалеромъ при государѣ Николаѣ Павловичѣ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, воспитывались на казенный счетъ и отличались особеннымъ благонаравiемъ. Все это я спокойно и на довольно опрятномъ французскомъ языкѣ, въ коемъ я усовершенствовался съ помощью бывшаго гувернера дѣтей княгини Хованской*) объяснилъ герцогу; онъ ласково выслушалъ и отпустилъ меня>**).

Въ концѣ декабря мы съ Корсакомъ отправились въ деревню; я — по случаю помолвки старшей сестры моей Пелагеи Ивановны съ нашимъ сосѣдомъ Яковомъ Михайловичемъ Соболевскимъ, милымъ и образованнымъ человѣкомъ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ деревню, я съ родными поѣхалъ въ Смоленскъ. Мы остановились на квартирѣ родственника, Алексѣя Андреевича Ушакова, человѣка веселонравнаго и радушнаго, но когда онъ рассказывалъ что бы то ни было, то преувеличивалъ по степени повѣствованiя до самой нелѣпой лжи, приводя иногда, для удостовѣренiя другихъ, въ свидѣтели даже слугъ своихъ. 18-лѣтняя дочь его, миловидная дѣвушка, играла хорошо на фортепяно; во время моего пребыванiя у нихъ, музыка, разумѣется, была въ ходу. Въ угожденiе моей милой племянницѣ я написалъ для фортепяно варьяцiи на итальянскiй, въ тогдашнее время модный романсъ «*Benedetta sia la madre*» (E-dug). Эти варьяцiи были нѣсколько исправлены Мейеромъ, и впоследствии отданы въ печать (когда именно, не помню). Такимъ образомъ это была первая пьеса моего сочиненiя, появившаяся въ печати. Въ числѣ семействъ, жившихъ тогда въ Смоленскѣ, было семейство генерала въ отставкѣ Апухтина. Онъ любилъ жить открыто; а такъ какъ, по случаю всеобщаго траура, танцы не были допущены, то выдумалъ дать представленiе согласно съ тогдашними обстоятельствами, а именно: прологъ на кончину императора Александра и восшествiе на престолъ

*) Онъ назывался Romulus Godefroi и, какъ говорилъ, naquit du temps de la terreur. Онъ жилъ съ нами.

Примѣч. Глинки.

**) Все мѣсто, отмѣченное у насъ ковычками, въ подлинной рукописи зачеркнуто самимъ Глинкою.

государя Николая Павловича. Слова сочинены были на французскомъ языкѣ гувернеромъ въ домѣ генерала, музыка была поручена мнѣ; она состояла изъ хора C-moll, арии B-dur, долженствовавшей быть заключеніемъ пролога съ торжественнымъ хоромъ, также B-dur. Вся эта музыка была съ аккомпанементомъ фортепьяно и контрабаса, на фортепьяно игралъ К. О. Гемпель и пѣлъ високаго тенора въ хорѣ C-moll. Арию B-dur, одѣтый гениемъ (не помню, былъ ли фавель и крылья), пѣлъ я. Несмотря на нѣкоторыя неловкости (gaucheries), несообразность тоновъ C-moll и B-dur, я считаю эту кантату первымъ удачнымъ опытомъ въ вокальной музыкѣ большого размѣра. Я писалъ искренно и помню, что эта пьеса довольно вѣрно выражаетъ слова*).

Послѣ свадьбы сестры я снова отправился въ Смоленскъ повеселиться на масляной недѣлѣ. Возвратясь домой, я завелъ птицъ разнаго рода; ихъ было до 16-ти, между прочими, варякушка, ольшанка, черноголовка и другія этого рода (genge fauvette).

По вечерамъ и въ сумерки любилъ я мечтать за фортепьяно. Сантиментальная поэзія Жуковскаго мнѣ чрезвычайно нравилась и трогала меня до слезъ (вообще говоря, въ молодости я былъ парень романческаго устройства, и любилъ поплакать сладкими слезами умиленія). Кажется, что два тоскливыхъ моихъ романа: «Свѣтитъ мѣсяцъ на владбищѣ» и «Бѣдный Пѣвецъ» были написаны въ это время (на слова Жуковскаго), весною 1826 года.

Въ маѣ того же 1826 года, я снова отправился въ Петербургъ. Прежде этого, однакожь, было отослано къ начальству свидѣтельство о болѣзни съ просьбою о продолженіи отпуска. Лѣто 1826 года было сухое и знойное. Лѣса горѣли и я страдалъ бессонницей (слѣдствіе сѣрныхъ кавказскихъ водъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что я занимался музыкою въ теченіи того года, но въ чемъ именно состояли эти занятія, рѣшительно не помню. Въ концѣ зимы того-же 1826 года приѣхалъ батюшка и остановился у насъ. Такъ какъ дѣла требовали довольно долговременнаго пребыванія его въ столицѣ, то онъ и рѣшился остаться

*) Эта пьеса, вписанная въ такъ-называемую Глиной зеленую тетрадь, находится въ настоящее время въ И. П. Библиот. Отчетъ за 1867 годъ, стр. 23—24.

ся съ нами, чтобы не разлучаться со мною. Отцу моему было тогда около 49 лѣтъ. Онъ былъ бодръ, лицо блистало свѣжестью, хотя волосы были уже съ достаточною просѣдью. Онъ очень любилъ меня и всѣхъ дѣтей своихъ; со мною же обращался, какъ съ товарищемъ, повѣрялъ мнѣ тайны и предположенія свои, не скрывая радостей и огорченій. Такъ какъ квартира наша, занимаемая въ домѣ Нечаевой на Загородномъ проспектѣ, оказалась тѣсною для нашего помѣщенія, то въ началѣ 1827 года переѣхали мы въ Торговую улицу, что у театральной площади, домъ Пискарева.

Отцу понадобилось на мѣсяцъ или на два раннею весною отправиться въ деревню. Мы остались съ Корсакомъ. Однажды съ пріятельницей Корсака явилась молодая дѣвушка Катенька, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я въ первыя свиданія съ нею считалъ себя вполне счастливымъ, но вскорѣ оказалось противное. Ея сердце принадлежало другому и всѣ старанія и ухищреніе злобы возбудить въ ней взаимность остались тщетными. Грусть этого состоянія высказана мною въ сочиненной по сему случаю музыкѣ на слова Корсака:

Я люблю, ты говорила,
И тебѣ повѣрилъ я,
Но другого ты любила,
Мнѣ такъ страстно говоря:
Я люблю, я люблю, и проч.

Впослѣдствіи подъ эту музыку князь С. Голицынъ поддѣлалъ французскіе стихи. И этотъ романсъ извѣстенъ подъ именемъ: «Le baiser».

Къ этой грусти скоро присоединились и физическія страданія.

Отецъ, по возвращеніи изъ деревни, встрѣтился однажды въ обществѣ съ докторомъ Браиловымъ и, (этотъ) узнавъ отъ него, что я золотушнаго расположенія, предложилъ свои услуги. Для совершенно радикальной вылечки надлежало выпить около 30 или болѣе бутылокъ нѣкоего декокта. О Боже, что это былъ за декоктъ! Вязущій, пранный, густой, отвратительнаго зелено-болотнаго цвѣта. Дѣйствовалъ же весьма сильно, слабилъ жестоко съ мучительною болью, а съ другой стороны не только не освѣжилъ, но гналъ кровь въ головѣ до такой степени, что

на долгое время я совершенно лишился сна. Кончивъ всѣ бутылки съ примѣрнымъ терпѣніемъ, я не вдругъ поправился.

Несмотря на это, я продолжалъ сочинять; кромѣ романа: «Горько, горько мнѣ», написаннаго мною въ 1827 году на слова Корсака, я сочинилъ нѣсколько театральныхъ отдѣльныхъ сценъ для пѣнія съ оркестромъ, а именно: дуэтъ съ речитативомъ для баса съ теноромъ (A-dur), хоръ на смерть героя (C-moll), арію для баритона (As-dur), (Adagio этой послѣдней послужило мнѣ для канона финала 1-го акта оперы «Русланъ и Людмила»), молитву для театра въ три голоса F-dur.

Занятія мои были прерваны золотушнымъ воспаленіемъ въ лѣвомъ глазу, происшедшимъ, вѣроятно, отъ продолжительныхъ приливовъ крови къ головѣ. Меня посадили въ темную комнату, а лечилъ меня знаменитый окулистъ Лерхе, при чемъ дѣло не обошлось безъ слабительныхъ. Это насильственное употребленіе внутреннихъ лекарствъ видимо повредило моему здоровью и приготовило новыя страданія.

По минованіи болѣзни глаза, я съ новымъ рвеніемъ *) принялся за работу **). Обстоятельства мнѣ благопріятствовали: на нашей квартирѣ зала была большая; одинъ изъ моихъ знакомыхъ, графъ Девьеръ игралъ весьма хорошо на скрипкѣ. Онъ былъ полковымъ адъютантомъ конно-гвардейскаго полка, и изрѣдка я могъ брать къ себѣ нужное для моихъ сочиненій число духовыхъ инструментовъ за весьма необременительныя кондичіи. Недоставшіе струнные инструменты равнымъ образомъ находили мы также хозяйственными распоряженіями. Въ вокальной части помогали мнѣ Варламовъ; онъ самъ охотно пѣлъ басовыя партіи, и съ искреннею готовностью привозилъ потребное число пѣвчихъ (воиоженныхъ, если не ошибаюсь) для исполненія хоровъ. Такимъ образомъ я слышалъ эффектъ написаннаго мною.

Около этого времени (кажется) я познакомился съ скрипачемъ Реми (Remi); онъ въ нѣсколько уроковъ выправилъ мнѣ правую руку; къ сожалѣнію это случилось поздно, — страсть къ сочиненію рѣшительно отвлекала меня отъ упражненія въ испол-

*) «Энтузіазмомъ» — зачеркнуто.

***) На полѣ карандашомъ написано: «англоманія въ этомъ году».

неніи. Бема я уже оставилъ; персидскій же языкъ — вскорѣ по выпускѣ изъ пансіона.

Въ это время кругъ моего знакомства увеличился и я очень хорошо помню, что по вечерамъ часто бывали у насъ Толстые. Ихъ было четверо; меньшей, Теофилъ Матвѣевичъ (Рости-славъ) чрезвычайно мило пѣлъ теноромъ (voix supratique). Они принадлежали къ высшему обществу, но были милые, веселые люди и не брезгали жаренымъ картофелемъ съ лукомъ, который у насъ изготовляли въ совершенствѣ.

Въ началѣ весны 1827 года, во время пребыванія отца въ Петербургѣ, случилось обстоятельство, имѣвшее важное впоследствии влияние на мое благосостояніе. Въ Торговой улицѣ противъ нашей квартиры жилъ въ собственномъ домѣ статскій совѣтникъ Погодинъ, теперь сенаторъ и гофъ-интендантъ дѣйствующей арміи. Узнавъ, что батюшка желалъ предпринять важную операцію, онъ, основываясь на пріобрѣтенной родителемъ репутаціи человѣка свѣдущаго и вѣрнаго, самъ явился къ нему и, отрекомендовавшись, предложилъ быть въ половинѣ, ввѣривъ ему капиталъ до 500,000 т. ассигнаціями для залоговъ. Приобрѣтенная этимъ способомъ выгода, впоследствии достаточно была для совершеннаго освобожденія имѣній нашихъ отъ долговъ, ихъ обременявшихъ.

Мало по малу зимою здоровье мое начало разстраиваться; несмотря на тяжкія иногда страданія, я часто проводилъ время пріятно и весело. Съ тѣхъ поръ какъ я поселился съ Корсакомъ, мы часто видѣлись съ пансіонскимъ товарищемъ нашимъ Лукьяновичемъ (онъ теперь управляющій канцеляріею комитета раненыхъ); это былъ веселый, забавный и милый человѣкъ; онъ любилъ литературу, съ Корсакомъ писалъ разныя статьи, да и я, грѣшный, брался иногда за перо, увлеченный ихъ примѣромъ. Вскорѣ сдѣлался нашимъ собесѣдникомъ и Иванъ Екимовичъ, а къ нему присоединился пріятель его Алексѣй Григорьевичъ Огинскій, переводчикъ Гольдсмита, Гиллиса и другихъ англійскихъ историковъ; мужъ ученый и трудолюбивый. Наружный видъ его составлялъ разительную противоположность съ Ив. Ев. Алексѣй Григорьевичъ былъ роста высокаго, чрезвычайно лысъ, лицо его нѣсколько походило на обезьяну, говорилъ же важно, протяжно, въ носъ, густымъ басомъ, при

чемъ воздвигалъ торжественно правую руку для большаго убѣжденія слушателей.

Наши дружескія литературныя бесѣды, при содѣйствіи пунша, оканчивались почти весьма философскими преніями. По третьему и четвертому пуншу И. Ек. приходилъ въ восторгъ и не рѣдко восклицалъ: Диспутовать буду; буду диспутовать, довольно! Зимой съ 1827 на 28 годъ приѣхалъ къ намъ зять Корсака — Равинскій; онъ въ молодости былъ человекъ веселый, остроумный и любилъ смѣшницъ разными затѣйливыми выходками, при чемъ сохранялъ всегда серьезный видъ. Мы съ Корсакомъ рѣшились позабавить его нашими оригиналами. Я былъ боленъ, но несмотря на то, и теперь не могу вспомнить безъ смѣха дружеской бесѣды, устроенной для Равинскаго. Порція пунша была усилена, вскорѣ Ив. Ек. завопилъ:

А. Григ., отъ слова Ванька Колмавовъ пьянь; доведу; азъ емь путь, истина и животь.

Огинскій со смѣхомъ: «Анъ не доведете!»

И. Ек.: Доведу, говорю.

Огинскій, усиливая смѣхъ: «Не доведете.»

И. Ек.: «Слушай!» Что Ванька Колмавовъ пьянь, доказывается...

Огинскій: Demonstratur.

И. Ек.: Красенъ.

Огинскій: «Ruber est.»

И. Ек.: Шатается.

Огинскій: «Vacillat.» и проч.

И вслѣдъ за этимъ приступомъ, повели наши витія такія забавныя и замысловатыя рѣчи, что Равинскій опрометью выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы не задохнуться отъ смѣха.

Въ мартѣ 1828 года я поѣхалъ навѣстить родителей; старшую сестру мою, съ которой провелъ первые годы дѣтства, видѣлъ тогда въ послѣдній разъ; она скончалась въ теченіи лѣта 1828 года. Въ концѣ апрѣля я отправился въ Москву на перекладной тележкѣ безъ верха. Около города Гжатска мнѣ надуло вѣтромъ въ лѣвый глазъ. Глазъ воспалился; цѣлую станцію я проѣхалъ закрытый рогожкой. Въ Гжатскѣ я потребовалъ доктора, но мнѣ отвѣтили, что докторъ плохъ, а цирюльники весьма сметливы; позвали послѣдняго, онъ далъ мнѣ розмаринаго и каяпUTOваго масла, которыя въ нѣсколько часовъ

разогнали боль, уничтожили воспаление и я доѣхалъ въ Москву благополучно.

Цѣль этой поѣздки было свиданіе съ пансіонерскимъ товарищемъ и пріятелемъ, Ник. Алек. Мельгуновымъ. Онъ не оставался долго въ пансіонѣ по причинѣ слабости здоровья. Я часто навѣщалъ его по выходѣ его изъ пансіона и гостилъ у его добрыхъ и привѣтливыхъ родителей. Отецъ мой, будучи въ Петербургѣ, познакомился съ ними и едва не отпустилъ меня за границу съ Ник. Ал. и отцомъ его. Къ моему счастью батюшка былъ человѣкъ разсудительный; расчелъ, что русскому человѣку не слѣдуетъ быть французомъ, потому считалъ не излишнимъ право на чинъ 10-го класса по окончаніи курса въ пансіонѣ *).

У Мельгунова я былъ только до 9-го мая (дня его ангела); въ эти немногіе дни я писалъ *Adagio* (B-dur), D-moll сонаты и помню, что въ этой пьесѣ былъ довольно ловкій контрапунктъ. Выѣхавъ на перекладной утромъ на зарѣ 9-го мая, я прибылъ къ сроку моего отпуска въ Петербургъ, но на службѣ оставался не долго, и подалъ въ отставку по слѣдующей причинѣ. У И. С. Горголи (одного изъ генераловъ, членовъ совѣта путей сообщенія) была жена и три дочери, одна изъ нихъ, по имени Поликсена, училась пѣнію у Беллоли; я часто аккомпанировалъ ей и пѣвалъ съ нею. Впослѣдствіи времени кругъ моего знакомства значительно расширился и я рѣже посѣщалъ домъ генерала Горголи. Надо сказать правду, что генеральша и ея дочки не могли внушить искренняго желанія часто бывать у нихъ; они жили долгое время въ Кіевѣ, и къ суматошнымъ провинціальнымъ пріемамъ присоединяли страсть говорить чрезвычайно громко и всѣ четыре вдругъ, такъ что не только гостей, но и генерала самого заставляли молчать всякій разъ, когда обращались къ нему.

Я былъ помощникомъ секретаря, но меня заставляли читать вслухъ въ присутствіи записки со всѣхъ трехъ столовъ. Когда я началъ посѣщать рѣже домъ генерала Горголи, мнѣ не трудно было замѣтить значительную пережвну въ обращеніи его со мною. Этимъ дѣло не ограничилось: генераль, пересматривая

*) Зачеркнуто: «Такимъ образомъ я остался и кончилъ курсъ въ пансіонѣ».

бумаги, находилъ, что запятая не на своихъ мѣстахъ и правописание не вездѣ соблюдено. Хотя нельзя было отъ меня, по справедливости, требовать ответственности за всѣ три стола нашей канцеляріи, однакожъ съ должнымъ уваженіемъ въ начальнику не отвѣчалъ ни слова, подумалъ только про себя: «эге, здѣсь шашни баловницы Поликсены», и тутъ же рѣшилъ совсѣмъ прекратить посѣщенія. Естественно, генераль сталъ выскателнѣе, а я, не тратя даромъ времени, въ одинъ изъ докладовъ подаль ему прошеніе объ отставкѣ и вышелъ изъ службы изъ-за запятой.

По приѣздѣ въ Петербургъ я поселился на углу Невскаго проспекта и Владимірской въ домѣ Барбазана (теперь Жукова, если не ошибаюсь) на квартирѣ пансіонскаго товарища Чиркова. Вскорѣ здоровье мое начало примѣтно портиться; золотуха прикинулась къ двумъ пальцамъ правой руки, въ видѣ лишая, и глаза воспалились до такой степени, что я не могъ ни писать, ни читать на фортепьяно. Лерхе меня вылечилъ, но золотушное начало продолжало тревожить меня. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было весьма легкими средствами если не искоренить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить болѣзнь. Судьба опредѣлила иначе.

Дальній родственникъ нашъ, Алексѣй Степ. Стунѣевъ, искренно меня любившій, неоднократно былъ невинною причиною многихъ бѣдъ въ жизни моей. Онъ познакомилъ меня съ докторомъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ Гасовскимъ. Онъ былъ человѣкъ добрый, но отъ этого не было легче его пациентамъ (двое братьевъ моихъ и отецъ были жертвами его способа леченія*). Сдѣлавшись впослѣдствіи гомеопатомъ, онъ самъ говорилъ мнѣ, что, лечивъ аллопатически, онъ былъ врагомъ рода человѣческаго. Дѣйствительно, онъ давалъ большіе приемы сильныхъ героическихъ средствъ, безъ всякой на то причины; любимыми же его средствами были: меркурій, сѣра, хина и опиумъ.

Онъ подвергъ меня, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, наружному и внутреннему употребленію перваго изъ вышеупомянутыхъ средствъ, безъ всякой особенной причины, не разсмотрѣвъ и не

* На полѣ карандашомъ: «смягчить фатализмъ».

разспросивъ меня обстоятельно. Цѣлый мѣсяцъ я просидѣлъ въ душной комнатѣ, несмотря на лѣтній жаръ. По прошествіи четырехъ недѣль выпустилъ меня изъ заключенія, предписавъ нѣсколько сѣрныхъ ваннъ: отъ этого неумѣстнаго и несообразнаго съ моимъ слабонервнымъ сложеніемъ леченія, я тогда почувствовалъ только легкое раздраженіе въ *plexus solaris* и ложный аппетитъ.

Въ теченіе этого года я работалъ прилежно; началъ учиться итальянскому языку у Марокети съ Толстымъ *) и еще съ кѣмъ не помню. У сына извѣстнаго *buffa* итальянской бывшей тогда оперы въ Петербургѣ *Zambooni* бралъ уроки въ композиціи. Онъ задавалъ мнѣ текстъ итальянскій и заставлялъ писать аріи, речитативы и пр., также 2-хъ-голосныя фуги безъ словъ. Сими послѣдними опытами я похвалиться не могу, хотя уже былъ нѣсколько знакомъ съ *clavesin bien temperé* Себ. Баха. Кромѣ того написалъ я: А) Серенаду на данныя мнѣ Толстымъ итальянскія слова:

«O mia dolce

«Mia Carina.

Въ то время эта серенада нравилась. В) Квартетъ F-dur для сопрано, альты, тенора и баса, съ акомпаниментомъ двухъ скрипокъ, альты и виолончели (*Come di gloria al nome*)**. С) Квартетъ для тѣхъ же голосовъ и инструментовъ G-moll (*Sogna chi crede esser felice*). Эти двѣ пьесы были исполнены у Демидова, а первая F-dur впоследствии и у Львова. D) Также написаны мною романсы «Память сердца» Батюшкова, для А. С. Стунѣева, а на слова князя Серг. Голицына «*Pour un moment*» и «Скажи зачѣмъ».

Я не могу теперь изложить главнѣйшихъ событій этого періода въ хронологическомъ порядкѣ. Впрочемъ это не важно.

Знакомство съ княземъ Серг. Григ. Голицынымъ имѣло важное вліяніе на развитіе моихъ музыкальныхъ способностей. Онъ былъ милый, веселый, подчасъ забавный молодой человекъ, хорошо зналъ музыку и пѣлъ очень пріятно прекраснымъ гус-

*) Объ этомъ періодѣ времени надо справиться у *Θ. М. Толстаго*.

Примѣч. Глинки.

***) Этотъ квартетъ находится въ И. П. Б. См. отчетъ 1867, стр. 27—31.

тымъ басомъ. Я былъ тогда чрезвычайно застѣнчивъ; онъ умѣлъ ободрить меня и ввелъ въ кругъ молодыхъ людей высшаго тона. Благодаря его дружескому участию, я приобрѣлъ много пріятныхъ и полезныхъ знакомствъ. Самъ же онъ умѣлъ ловко возбуждать меня къ дѣятельности, писалъ для меня стихи и охотно исполнялъ мои сочиненія. Предъ отъѣздомъ моимъ въ Москву онъ мнѣ далъ письмо къ Николаю Николаевичу Норову (который теперь помощникомъ министра финансовъ) слѣдующаго лавоническаго содержанія: «податель этой записки—Глинка». Норовъ принялъ меня ласково, я съ нимъ вскорѣ сблизился, и не могу утерпѣть, чтобъ не обнаружить чувствъ дружбы и признательности къ этому рѣдкому по душѣ и таланту человѣку.

Въ то время между молодыми людьми высшаго круга находился камеръ-юнкеръ Евгений Петровичъ Штеричъ. Хотя онъ былъ *élégant* въ полномъ смыслѣ этого слова и любилъ блистать въ салонахъ, однако же отличался рѣдкими душевными качествами. Между прочимъ, онъ былъ хорошій музыкантъ, учился у Мейера и игралъ опрятно на фортепяно. Я съ нимъ вскорѣ подружился и не рѣдко съ Серг. Голицынымъ (Фирсомъ?) мы посѣщали его въ Павловскѣ, гдѣ онъ жилъ въ лѣтніе мѣсяцы. Тамъ представляли меня знаменитому нашему поэту Василию Андреевичу Жуковскому. Съ графомъ Вельегорскимъ я былъ прежде знакомъ, а въ Павловскѣ съ нимъ сблизился, и мы писали, помнится, каждый по канону, пробуя такимъ образомъ наши силы въ композиціи. Прежде чѣмъ графъ М. Ю. Вельегорскій принялся за перо, я успѣлъ состряпать канонъ (который, кажется, уцѣлѣлъ) на слѣдующія слова вн. Голицына:

«Мы въ сей обители святой
«Въ молитвахъ дни проводимъ;
«Не зная суеты мірской,
«Здѣсь счастье находимъ.

Мы съ княземъ Голицынымъ ѣздили на Черную рѣчку къ князю Вас. Петр. Голицыну, который хорошо пѣлъ теноромъ. Въ концѣ августа собрались мы, Толстые, и другіе молодые люди потѣшить публику серенадой. Репетиціи были чрезвычайно занимательны и у оконъ дома, гдѣ жилъ князь Вас. Петр. Голицынъ, по вечерамъ толпились слушатели и слушательницы.

Въ день серенады*) появились на Черной рѣчкѣ два украшенные фонарями батера, на одномъ сидѣли мы, а на другомъ помѣстили трубачей кавалергардскаго полка. На кормѣ приладили маленькое фортепяно, на которомъ я аккомпанировалъ и управлялъ хоромъ. Всѣхъ исполненныхъ пьесъ не упомяну. Приятное впечатлѣніе произвелъ на водѣ милый голосъ Ѳ. М. Толстого въ венеціанской баркаролѣ «*da brava Catina*». Не дурно былъ исполненъ хоръ изъ «*Dame blanche*» Буальдѣ «*Sonnez, sonnez, coqs et musettes*». Послѣ каждой исполненной нами пьесы, раздавались стройные, сильные, величественные звуки трубъ. Инструменты съ *clefs?*** (pistons) тогда еще не были изобрѣтены. Музыкальные уши не страдали, какъ нынѣ, отъ невѣрныхъ, противныхъ звуковъ, которыми теперь насъ нещадно угощаютъ. Мазурка графа М. Юр., нарочно для трубъ сочиненная, произвела на меня сильное впечатлѣніе, и маршъ въ финалѣ оперы «Жизнь за Царя» написанъ мною именно для простыхъ трубъ, безъ pistons и, если бы возможно было отыскать теперь хоръ трубачей подобныхъ тѣмъ, каковыя участвовали тогда въ нашей серенадѣ, нѣтъ сомнѣнія, что финалъ оперы значительно произвелъ бы болѣе эффекта.

Объ этой серенадѣ напечатали въ «Сѣверной Пчелѣ»***), и этотъ первый успѣхъ поощрилъ насъ къ новымъ предпріятіямъ подобнаго рода. Мы дали представленіе князю Кочубею (тогдашнему президенту государственнаго совѣта); насъ было около 16 человекъ: кромѣ князей Голицыныхъ, Толстыхъ, Штерича и меня, участвовали Башуцкій, графъ Протасовъ (теперь онъ оберъ-прокуроръ синода) и другіе; также былъ полный оркестръ и Карлъ Мейеръ игралъ на фортепяно. Я въ кисейномъ бѣломъ женскомъ платьѣ и рыжемъ парикѣ исполнилъ роль Донна Анна въ интродукціи «Донъ-Жуана» Моцарта и импровизировалъ на фортепяно. Въ Царскомъ Селѣ также мы дали еще представленіе, гдѣ произвели мою серенаду и куплеты съ хоромъ: «Лина въ черной мантии» (слова князя Голицына); куп-

*) 21 августа, по словамъ «Сѣверной Пчелы».

**) Зачеркнуто: «фингелями».

***) Сѣверная Пчела. 1827. № 103. Августа 27. Петербургскія записки. Объ увеселеніяхъ столицы. Письмо въ Либаву къ Ал. Никит. Пешурову отъ 26 авг. 1827. Ѳ. В. (угарина).

леты пѣлъ Ивановъ, а хоръ придворные пѣвчіе. Была также маленькая выходка и для кн. С. Голицына. Наконецъ мы ѣздили за 200 верстъ, новгородской губерніи въ село Марьино, въ графинѣ Строгоновой. Я участвовалъ въ представленіи нѣсколькихъ сценъ изъ «Barbiere de Sivilla» Россини, въ роли Figaro. За это насъ тамъ угощали нѣсколько дней.

Лѣтомъ того же 1828 г. Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, композиторъ извѣстныхъ русскихъ романсовъ, и хорошо пѣвшій баритономъ, познакомилъ меня съ барономъ Дельвигомъ, извѣстнымъ нашимъ поэтомъ. Я нерѣдко навѣщалъ его; зимою бывала тамъ дѣвица Лигле; мы игравали въ 4 руки. Баронъ Дельвигъ передѣлалъ для моей музыки пѣсню: «Ахъ ты, ночь ли ноченька» и тогда же я написалъ музыку на его слова: «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили». Эту пѣсню весьма ловко пѣвалъ М. Л. Яковлевъ.

Около этого времени я часто видался съ извѣстѣйшимъ поэтомъ нашимъ Алекс. Серг. Пушкинымъ (который хаживалъ и прежде того въ намъ въ пансіонъ къ брату своему, воспитывавшемуся со мною въ пансіонѣ), и пользовался его знакомствомъ до самой его кончины.

Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ, авторомъ комедіи: «Горе отъ ума». Онъ былъ очень хорошей музыкантъ и сообщилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ потомъ А. С. Пушкинъ написалъ романсъ: «Не пой, волшебница (sic!), при мнѣ».

Иванова я слышалъ въ первый разъ тоже около этого времени; мнѣ не трудно было подмѣтить его нѣжный и звонкій голосъ. Сначала онъ былъ такъ робокъ, что пѣлъ только до верхнихъ f и sol; я уговорилъ его навѣститъ меня, и въ короткое время, заставляя пѣть пьесы постепенно выше и выше, я нечувствительно довелъ его до верхнихъ la и si-b. Впослѣдствіи онъ участвовалъ часто въ нашихъ домашнихъ музыкальныхъ вечерахъ.

Тогда же (сколько помнится) познакомился я съ извѣстной фортепянисткой Шимановской; у нея было двѣ дочери, Целина и Елена. Онѣ изрядно пѣли; я былъ maestro на музыкальныхъ утрахъ Шимановской; исполняли иногда и мою музыку. Тамъ, если не ошибаюсь, встрѣтился я съ извѣстнымъ поэтомъ Миц-

кевичемъ; онъ тогда ухаживалъ за Целиной, на которой впоследствии женился. Въ 1828 году мы предприняли съ княземъ С. Голицынымъ издать «Лирической Альбомъ», но дѣло долго не шло на ладъ. Николай Ивановичъ Павлицевъ взялся за изданіе и альбомъ явился въ свѣтъ въ 1829 году.

Въ концѣ 1828 года здоровье мое начало разстроиваться, я сталъ чувствовать боли, особенно въ сырое и холодное время.

Гасовскій прописалъ мнѣ Майскій бальзамъ Немича, который прозвель сыпь по всему тѣлу; несмотря на это, я чувствовалъ себя все хуже и хуже. Въ началѣ 1829 года, около марта, Соломонъ (извѣстный впоследствии операторъ) принялся лечить меня. Цѣлыхъ два мѣсяца продержалъ меня въ теплой комнатѣ и заставилъ принимать пилюли Sublimatum, постепенно увеличивая приемы, такъ что безъ сомнѣнія я принялъ отъ 80 до 100 пилюль, при весьма строгой діетѣ. Это леченіе такъ меня разслабило, что когда князь С. Голицынъ, отправляясь въ дѣйствующую армію (онъ перешелъ въ военную службу и былъ адъютантомъ у графа Ридигера), приѣхалъ проститься со мною, то онъ нашелъ меня въ чрезвычайно болѣзненномъ состояніи. Однако же я написалъ въ то время романсъ «Забудуль я?» (слова К. Голицына); его же романсъ «Разочарованіе» (Гдѣ ты, о первое желанье) должно отнести, кажется, къ 1828 году.

Въ маѣ послѣ нѣсколькихъ сѣрныхъ ваннъ, я оправился, но не надолго. Я часто посѣщалъ барона Дельвига; кромѣ его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Кернъ*). Въ іюнѣ баронъ съ женою, г-жею Кернъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ весьма умнымъ и любезнымъ человѣкомъ), отправились въ четырехъ-мѣстной линейкѣ на Иматру; мы съ Борсакомъ поѣхали вслѣдъ за ними на тележкѣ. Стѣхавшись въ Выборгѣ, вмѣстѣ гуляли мы въ прекрасномъ саду барона Николаи. Вмѣстѣ видѣли Иматру и возвратились въ Петербургъ. Одинъ изъ чухонцевъ-ямщиковъ игралъ гѣснову, которая мнѣ очень понравилась; я заставилъ его неоднократно повторить и, затвердивъ ее, употребилъ потомъ главною темою баллады Финна, въ оперѣ «Русланъ и Люд-

*) Анна Петровна Кернъ, см. ея Воспоминанія въ «Русской Старинѣ».

мила». Это путешествіе было бы для меня еще пріятнѣе, если бы болѣзнь не посѣтила меня. Еще до поѣздки, несмотря на прекрасную погоду, начали мало по малу развиваться жестокія нервныя боли (névralgies), которыя, по приѣздѣ моемъ въ Петербургъ, усилились до такой степени, что появлялись ежедневно въ сопровожденіи лихорадки съ жаромъ и бредомъ. Пароксизмъ оканчивался сильною и неправильною (abnormale) испариною. Эти страданія безъ сомнѣнія причиною того, что я не такъ ясно помню этотъ періодъ времени.

Въ теченіи лѣта 1829 года написанъ мною романсъ: «Ночь осенняя, ночь любезная», слова Корсака. Въ концѣ лѣта я часто навѣщалъ Дельвиговъ и не рѣдко слышалъ на Невѣ роговую музыку Нарышкина. Въ особенности производила волшебный эффектъ пьеса Шимановской Вилія, состоящая вся изъ арпеджій. Зачѣмъ повинуютъ этотъ фантастическій оркестръ и ввели отвратительныя *trompettes à clefs*?

Помнится, что, вскорѣ по возвращеніи изъ Иматы, мы угостили Дельвига, Кернъ и Сомова Колмаковымъ И. Е. и Огинскимъ и удачно.

Дельвигъ написалъ мнѣ слова: «Не осенній частый дождикъ». Музыку этихъ словъ я впоследствии взялъ на романсъ Антонида «Не о томъ скорблю, подруженьки» въ оп. «Жизнь за Царя».

Осенью того же года у Штерича я слышалъ персидскую пѣсню, пѣтую секретаремъ министра иностранныхъ дѣлъ Хозрева-Мирзы. Этотъ мотивъ послужилъ мнѣ для хора «Ложится въ полѣ мравъ ночной» въ оперѣ «Русланъ и Людмила».

Тогда же осенью я бывалъ у Львовыхъ, гдѣ исполнялся мой квартетъ F-dur «Come di gloria al nome».

Около этого времени боли, особенно шейныхъ железъ, дошли до такой степени, что я катался по полу и кусалъ себя отъ невыносимой муки. Вскорѣ (отъ простуды вѣроятно) образовалась упорная спазматическая боль сзади шеи; хотя отъ весьма теплыхъ ваннъ она успокоилась, но я извѣстилъ родителей о моей болѣзни. Въ октябрѣ приѣхала ко мнѣ матушка съ сестрою Натальею Ивановною и увезли меня въ деревню.

Передъ отъѣздомъ мнѣ отрекомендовали доктора, итальянца родомъ, котораго имени не упомяну. Онъ предложилъ мнѣ для

успокоенія моихъ болей пилюли изъ опиума съ меркуриемъ. Въ продолженіи зимы и весны я неоднократно прибѣгалъ къ нимъ, и дѣйствительно они успокаивали боли, но все болѣе и болѣе разстраивали здоровье.

Въ промежуточное время между страданіями (сопровождаемыми всегда жаромъ и бредомъ) я продолжалъ музыкальныя занятія. Я выучилъ септуоръ Гуммеля и неоднократно исполнялъ его съ аккомпаниментомъ; усовершенствовался въ игрѣ на фортепіано, постояннымъ упражненіемъ въ этюдахъ Крамера, Мошлеса и даже иногда принимался за Баха. Сочинилъ нѣсколько мелкихъ пьесъ, которыя находятся въ зеленой тетради у В. П. Энгельгардта. Написалъ романсъ «Голосъ съ того свѣта», слова В. А. Жуковского; наконецъ въ началѣ весны 1830 года—F-dur квартетъ для струнныхъ инструментовъ. Благодаря В. П. Энгельгардта, я нѣсколько разъ слышалъ исполненіе этого ученическаго произведенія, и мнѣ кажется, что въ немъ отражается болѣзненное тогдашнее мое состояніе. Сверхъ того написалъ для сестры Натальи Ивановны 6-ть контральтовыхъ этюдъ; училъ сестру Людмилу Ивановну (впослѣдствіи Шестакову) географіи. Она увѣряетъ, что училась у меня охотно и что до сихъ поръ у нея хранится нѣсколько листовъ записокъ, мною написанныхъ *). Устроилъ для младшихъ сестеръ и брата въ комнатѣ горку изъ досокъ, по которой онѣ катались въ мѣдныхъ тазакъ.

Еще до отъѣзда въ деревню я началъ помышлять о путешествіи за границу. Это желаніе, возбужденное надеждою избавиться отъ страданій и усовершенствоваться въ музыкѣ, впослѣдствіи усилилось еще болѣе отъ чтенія путешествій. Я помню, что передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню я читалъ путешествіе въ Испанію, и съ той самой поры мечталъ объ этой занимательной странѣ. Я поѣхалъ въ деревню въ надеждѣ упротить отца отпустить меня за границу. Несмотря на то, что онъ очень любилъ меня, но отказалъ мнѣ рѣшительно. Я былъ огорченъ до слезъ, но не смѣлъ и помыслить прекословить отцу, несмотря на дружеское его обращеніе со мною. Матушка съ свойственною ей добротою и заботливостію старалась успокои-

*) Записки эти цѣлы до сихъ поръ.

вать меня. Между тѣмъ болѣзнь увеличивалась, несмотря на стараніе добраго нашего уѣзднаго доктора Вильгельма Даниловича Гинденбурга. Я снова прибѣгалъ къ пилюлямъ итальянца, и, безъ сомнѣнія, въ теченіи полгода проглотилъ ихъ до сотни, къ крайнему вреду моего здоровья.

Къ моему счастью въ концѣ зимы 1828 г. приѣхалъ къ намъ полковой докторъ Шпидлеръ. Отецъ познакомился съ нимъ въ городѣ Брянскѣ (Орловской губерніи) и весьма уважалъ его.

Распросивъ обстоятельно о моей болѣзни, онъ осмотрѣлъ меня и объявилъ отцу, что у меня цѣлая кадриль болѣзней и что для поправленія моего здоровья необходимо мнѣ пробыть не менѣе трехъ лѣтъ за границей въ тепломъ климатѣ.

Таимъ образомъ моя поѣздка въ Италію и Германію была рѣшена. Я желалъ отправиться съ отцомъ въ Петербургъ, чтобы устроить тамъ концертъ для Иванова, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ мнѣ сопутствовать. Отецъ, видя, что мое крайне разстроенное здоровье не позволяло мнѣ предпринять путь въ зимнее время, взялся все уладить безъ меня. И дѣйствительно, съ своею ему благоразумною настойчивостію, съ одной стороны уговорилъ (*c'est le mot*) Иванова, который не довѣрялъ и колебался, съ другой же упросилъ директора пѣвческой капеллы Ѳ. П. Львова дать Иванову позволеніе отправиться со мною. Иванову дали двухъ-лѣтній отпускъ и пособіе, а отецъ обязался подпискою, что Иванову не будетъ недостатка въ средствахъ въ существованію. Таимъ образомъ Ивановъ обязанъ въ судьбѣ своей отцу моему—болѣе нежели мнѣ.

Весною здоровье мое шло все хуже и хуже, и когда, къ концу апрѣля, прибылъ къ намъ Ивановъ, я былъ очень плохъ и стоналъ часто. Все было уже готово къ отъѣзду, и 25-го апрѣля 1830 года рѣшено было отправиться въ путь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ 25 апрѣля 1830 года до конца ноября и начала декабря 1836 года.

~~~~~
 ПЕРІОДЪ VI.

Путешествіе за границу и возвращеніе на родину.

Итавь, въ пятницу, 25-го апрѣля 1830 года, я и Ивановъ выѣхали изъ села Новоспасскаго. Матушка провожала насъ до Смоленска. Изъ Смоленска до Бреста-Литовскаго сопутствовалъ намъ зять мой, Яковъ Михайловичъ Соболевскій и человѣкъ Алексѣй (скрипачъ).

Это было въ началѣ мая; погода была холодная, шель снѣгъ; я чувствовалъ усталость послѣ каждаго перегона, и въ первые дни часто останавливался, чтобы полежать и отдохнуть на станціяхъ. Впослѣдствіи дѣло обошлось, и въ Брестѣ я уже ходилъ довольно свободно. Здѣсь мы простились съ братцемъ и Алексѣемъ, и на жидовской фурѣ отправились вдвоемъ въ Варшаву. Оттуда въ коляскѣ съ тремя вандитерами изъ Граубиндена (Grisons) въ Дрезденъ.

Въ Дрезденѣ я совѣтовался съ докторомъ Крейсигомъ (такая уже была тогда мода); онъ опредѣлялъ мнѣ употребленіе эмскихъ и потомъ ахенскихъ водъ. Изъ Дрездена поѣхали мы въ Лейпцигъ, изъ Лейпцига до Франьфурта-на-Майнѣ въ коляскѣ на долгихъ. Съ нами ѣхалъ студентъ, кажется израильскаго происхожденія, который пѣлъ басомъ. Всякій разъ, какъ мы останавливались для обѣда или ночлега, если встрѣчали фортепяно, пробовали пѣть вмѣстѣ: Ивановъ перваго, а я второго тенора, студентъ пѣлъ басовую партію извѣстныхъ отрывковъ изъ оперъ. Хоръ изъ тріо перваго акта «Фрейшюца» *Terzett und Chor* въ особенности шель хорошо, и нѣмцы въ маленькихъ городкахъ сходились слушать насъ.

Изъ Франьфурта поѣхали мы въ Майнцъ, а оттуда на пароходѣ по Рейну; не доѣзжая Кобленца, вышли на берегъ и отправились пѣшкомъ въ Эмсъ (сдѣлавши оволо семи верстъ).

Тамошнія воды, въ теченіи трехъ недѣль, сильно разслабили меня. Мы поѣхали въ Ахенъ, гдѣ въ весьма короткое время почувствовалъ я значительную пользу. Но и тутъ случилось тоже, что и на Кавказѣ: заставляли слишкомъ много пить и слишкомъ часто купаться, хотя и не варили, какъ на Кавказѣ, въ невыносимо-горячей водѣ.

Въ Ахенскомъ театрѣ была въ то время, проѣздомъ изъ Парижа, труппа хорошихъ нѣмецкихъ пѣвцовъ. Сопрано пѣла довольно исправно г-жа Фишеръ. Гойцингеръ и Ейхбергеръ считались, по справедливости, въ то время лучшими тенорами въ Германіи. Перваго я слышалъ въ «Фиделіо» въ роли Флорестана, второй отлично исполнялъ роль Макса въ «Фрейшюцъ». Фиделіо въ первый разъ мы съ Ивановымъ не поняли; второе же представленіе довело насъ до слезъ. Изъ другихъ оперъ помню, что слышалъ «Фауста» Шпора.

Въ концу леченія, излишнее употребленіе сѣрыхъ водъ раздражило шейныя желѣзы и возбудило жесточайшую зубную боль. Въ это время насъ извѣстилъ Штеричъ, путешествовавшій тоже для исправленія здоровья, что онъ прибылъ въ Эмсъ, гдѣ желалъ бы съ нами видѣться. Мы уже съ нимъ были друзьями въ Петербургѣ, слѣдственно излишне было бы здѣсь описывать радость свиданія.

Докторъ Берсъ—братъ того Берса, что служитъ при с.-петербургской дирекціи императорскихъ театровъ, нѣсколькими ваннами съ отрубями успокоилъ на время мои боли. Пробывъ недолгое время въ Эмсѣ, мы съ Штеричемъ, его матушкой и ихъ спутниками отправились въ Шлангенбадъ, а потомъ во Франкфуртъ. Это было въ августѣ, но холодъ заставилъ насъ топить въ каминахъ. Видѣли мы знаменитую статую Ариадны и слышали въ театрѣ оперу «Медея» Керубини. Признаюсь, что я понималъ только увертюру, которая была исполнена превосходно; остального рѣшительно не уразумѣлъ и вовсе не помню. Изъ Франкфурта отправились мы въ дилижансѣ въ Базель, куда приѣхали въ одно время съ нами и Штеричи. На другой день, нанявъ долгихъ, поѣхали чрезъ Золотурнъ (Solaurer), Бернъ, Лозанну, въ Женеву. Еще теперъ помню, какъ вмѣстѣ съ Штеричемъ восхищались мы прелестными видами Швейцаріи. Во время переѣзда отъ Золотурна до Женевы погода была чудес-

ная. Штеричи въ своей коляскѣ, а мы въ дилижансѣ поѣхали въ одно время въ Миланъ.

Во время переѣзда, со мною въ кабриолетѣ (coupé) дилижанса сидѣлъ молодой англичанинъ, ѣхавшій въ Корфу. Когда мы достигли почти вершины Simplon, кондукторъ выпустилъ насъ изъ дилижанса и позволилъ пройти пѣшкомъ самую крутую часть пути. Когда-жъ мы находились на самой вершинѣ и намъ снова надлежало сѣсть въ дилижансъ, англичанина не нашли. Начали искать и звать его, и наконецъ увидѣли его спокойно сидящаго на обломѣ утеса, отдѣленнаго глубокой трещиной отъ главной каменной массы, нависшей надъ ужасною пропастью. «Que faites vous donc, monsieur?» воскликнулъ кондукторъ. — J'essaie le sentiment du danger, хладнокровно отвѣчалъ островитянинъ. «Mais ne voyez vous donc pas, que vous risquez de rouler dans le précipice?» сказалъ кондукторъ. — «C'est parceque je risque, que j'éprouve effectivement le sentiment du danger»; отвѣчалъ англичанинъ и пошелъ на свое мѣсто.

Спустившись съ Simplon, гдѣ было мрачно, сыро и холодно отъ тумана и мелкаго дождя, мы не въ продолжительномъ времени очутились въ прелестной долинѣ Domo d'ossola; вечеромъ въ прелестнѣйшую погоду (это было въ началѣ сентября) были въ Baveno, насупротивъ Борромейскихъ острововъ, на берегу Lago Maggiore. На другой день по полудни мы приѣхали въ одно время съ Штеричами въ Миланъ и временно остановились въ Albergo del Pazzo, что недалеко отъ знаменитаго Domo di Milano.

Видъ этого великолѣпнаго, изъ бѣлаго мрамора сооруженнаго храма, и самаго города, прозрачность неба, черноокія миланки съ ихъ вуалями (mantillas, удѣлѣвшими остатками испанскаго владычества) приводили меня въ неописанный восторгъ. Штеричъ оставался съ нами не долго; онъ долженъ былъ вскорѣ отправиться въ Туринъ, бывъ причисленъ къ нашему посольству при сардинскомъ дворѣ.

Мы занялись приискиваньемъ квартиры и вскорѣ переѣхали въ corso porta Renza (orientale) противъ колонны Leone della porta renza и церкви St. Babila, въ № 626. Хозяйка наша была вдова, лѣтъ сорока и даже болѣе, наружности не весьма благообразной, она была смугла и желта; но въ замѣнъ то-

го была женщина очень добрая, и страдала сама періодическими нервными припадками, почему сочувствовала страданіямъ другихъ, что мы испытали вскорѣ.

Квартира наша состояла изъ одной большой комнаты съ тремя окнами на улицу (замѣтите, главную въ Миланѣ), маленькимъ calorifere и двумя софами, на которыхъ вечеромъ стлали намъ постели. Обѣдать и завтракать ходили мы въ трактиры. Однажды по ошибкѣ вмѣсто второго этажа зашли мы въ первый (rez de chaussée) трактира, гдѣ обѣдали слуги, и насъ накормили плохо. Когда же мы легли спать, то я и Ивановъ, почти въ одно и тоже время были разбужены головокруженіемъ, сильною рѣзью въ животѣ и невыносимой тошнотой. Сдѣлались жесточайшія боли и рвота: мы считали себя уже погибшими, когда вошелъ въ кухню нашей квартиры одинъ изъ постояльцевъ нашей хозяйки (плохой теноръ). Увидавъ въ какомъ мы были состояніи, онъ проворно изготовилъ намъ по большому стакану ромашки. Оказалось, что причиною нашихъ страданій былъ соусъ изъ шпината, изготовленный въ дурно-вылуженной кастрюлѣ. На другой день утромъ, signora Giuseppa Abbondio объявила намъ, что хотя она ни для кого изъ жильцовъ не готовила кушанья, но для насъ будетъ готовить, и не только сдержала слово свое въ точности, но всякій разъ, возвратясь съ рынка, заставляла насъ осматривать купленную ею провизію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы поѣхали въ Туринъ, чтобы навѣстить Штерича: тамъ, вслѣдствіе (зачеркнуто: претерпѣнной нами) отравы, захворали оба: у Иванова сдѣлался *remphigus*, а у меня возобновились нервныя боли (*névralgie*). Докторъ Battaglia, пользовавшій Штерича, прописалъ мнѣ опять пилюли изъ меркурія и сѣры.

Въ Туринѣ слышалъ я прекрасно исполненную оперу *buffa* «*Gli Cantatrice villani*». Примадонна Унгеръ пѣла отлично хорошо и играла очень натурально.

Слышалъ я тамъ же Дюпре, голосъ его былъ тогда не силенъ, но свѣжъ; пѣлъ онъ уже и тогда нѣсколько по-французски, то-есть: *il relevait chaque note avec affectation*.

По возвращеніи въ Миланъ, въ началѣ ноября, Иванову онъ рекомендовалъ учителя пѣнія *Eliodoro Bianchi*. Онъ былъ пожилой человѣкъ, важной наружности, съ нарочито обдуманнѣмъ

шарлатанствомъ. Онъ былъ *tenor serio*, пѣлъ даже и въ Лондонѣ. Такъ какъ до Россіи итальянскіе *maestri* не писали рундъ и украшеній, а просто пошлыя музыкальныя безхарактерныя фразы, которыя пѣвецъ долженъ былъ самъ украшать и разнообразить по своему усмотрѣнію, то Bianchi выставлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ свою ловкость въ томъ, что онъ называлъ *vestir il canto*. О Рубини онъ отзывался съ нѣкоторымъ презрѣніемъ говоря, что онъ не поетъ чистымъ груднымъ голосомъ, а часто прибѣгаетъ къ головному, притомъ же не можетъ носить котурна (*vestir il cotugno*), т.-е. не можетъ играть римлянъ, подобно ему, Бианки.

Мнѣ же отрекомендовали учителемъ композиціи директора миланской консерваторіи *Basili*. Онъ меня заставилъ работать надъ гаммой въ 4 голоса слѣдующимъ образомъ: одинъ голосъ велъ гамму цѣлыми нотами, другой долженъ былъ быть веденъ полутактными, третій четвертями и четвертый осмыми. Это головоломное упражненіе влонилось, по мнѣнію *Basili*, къ тому, чтобы уточнить музыкальныя мои способности *sottilizzare l'ingegno*, какъ онъ говорилъ, но моя пылкая фантазія не могла подчинить себя такимъ сухимъ и не поэтическимъ трудамъ; я не долго занимался съ *Basili* и вскорѣ отказался отъ его уроковъ.

У насъ былъ рояль съ педалью, посредствомъ которой можно было производить звуки барабана*). Эта *banda* утѣшала нашу хозяйку и сосѣдокъ. Вскорѣ образовалось у насъ по вечерамъ общество изъ сосѣдокъ старыхъ, молодыхъ и пѣвцовъ и пѣвицъ третьяго разряда. Спасшій насъ отъ отравы молодой человѣкъ былъ, какъ сказано выше, плохой теноръ, но отлично умѣлъ забавлять общество играми въ фанты. Между сосѣдками не могу умолчать о молодой дѣвушкѣ пріятной наружности, ея имя было Аделаида, *Didina* по-милански. Сначала насъ сблизили звуки нашего фортепьяно, а потомъ привычка видѣться часто; она жила въ одномъ домѣ съ нами.

Кватрини, *Quattrini* (теперь управляющій оркестромъ въ Варшавѣ), недавно приѣхавшій съ матерью изъ Испаніи, началъ

---

*) Рукою Кукольника написано: «пояснить». Рукою Глинки: «поясненіе ясно—большая часть вѣнскихъ старинныхъ роялей съ барабаномъ».

меня учить по-испански, а матушка его — танцовщица, учила Иванову мимикѣ.

26-го декабря 1830 года миланскіе жители и мы съ нетерпѣніемъ ждали открытія театровъ. Импрезаріи двухъ театровъ: большого театра La Scala, и малаго Carcano вступили въ соперничество. Impresario первого, надѣясь на привычку миланской публики посѣщать его, какъ обычное мѣсто сбора публики, приобрѣлъ только одну хорошую пѣвицу: Guidetta Grisi, сестру знаменитой впоследствии Джульетты Гризи. Въ маленькомъ же театрѣ Carcano пѣли: Паста, Рубини, Галли и другіе, а какъ maestro, участвовали Беллини и Доницетти. Иванову нанято было кресло (stalle d'orchestre) въ Карвано въ одномъ изъ первыхъ рядовъ; а я въ томъ же театрѣ пользовался ложею d'avant scène нашего посланника при сардинскомъ дворѣ, графа Воронцова-Дашкова, который съ Штеричемъ приѣхалъ въ Миланъ для развлечения.

Для открытія театра дали первое представленіе оперы Доницетти: «Анна Болена». Исполненіе мнѣ показалось тѣмъ-то волшебнымъ, въ оперѣ участвовали: Рубини, Паста (которая дѣйствительно отлично выполняла всю роль Анны Болены, въ особенности послѣднюю сцену), Галли, Орланди и т. д. Таеъ какъ изъ нашей ложи d'avant scène не ускользали самыя нѣжные sotto voce, которые впрочемъ Рубини не доводилъ еще тогда до такой нелѣпой степени, какъ впоследствии, то я утопалъ въ восторгѣ, и тѣмъ болѣе, что въ то время я еще не былъ равнодушенъ къ virtuosité, какъ теперь.

Изъ другихъ оперъ я помню: «La Semiramide» Rossini; «Romeo e Giulietta»—Zingarelli; «Gianni di Calais» Donizetti. Въ концѣ карнавала явилась наконецъ всѣми ожидаемая Sonnambula Беллини. Несмотря на то, что она появилась поздно, не взирая на завистниковъ и недоброжелателей, опера эта произвела огромный эффектъ. Въ немногія, данныя до закрытія театровъ, представленія Паста и Рубини, чтобы поддержать своего любимаго maestro, пѣли съ живѣйшимъ восторгомъ: во второмъ актѣ сами плакали и заставляли публику подражать имъ, такъ что въ веселые дни карнавала видно было, какъ въ ложахъ и креслахъ безпрестанно утирали слезы. Мы, обнявшись

въ ложѣ посланника съ Штеричемъ, также проливали обильный токъ слезъ умиленія и восторга.

Послѣ каждой оперы, возвратясь домой, мы подбирали звуки, чтобы вспомнить слышанныя любимыя мѣста. Въ короткое время Ивановъ довольно удачно пѣлъ аріи и выходы Рубини изъ «Анны Болены», впоследствии было тоже и съ «Сонамбулой». Я аккомпанировалъ ему на фортепьяно, и сверхъ того очень ловко подражалъ Пастѣ, играя на фортепьяно ея аріи къ великому удивленію и удовольствію хозяйки, сосѣдокъ и знакомыхъ. Такимъ образомъ, время шло довольно пріятно, что не мѣшало намъ, однакожь, страдать порядочно въ зимніе мѣсяцы.

Нашъ маленький калориферъ, топленный плохо, едва согрѣвалъ нашу просторную комнату. Когда мы ложились, надлежало согрѣвать постель жаровнею (bassinoir), отчего мы чувствовали тепло ложась; но эта пріятная теплота скоро исчезала и къ утру постель и одѣяло были всегда холодны и сыры.

Естественно, что въ продолженіи зимы, дѣло не обошлось безъ страданій и доктора. По совѣту лечившаго Штерича врача, Bataglia, я обратился къ бывшему его сослуживцу и пріятелю De Filippi. Онъ служилъ въ итальянской арміи, и во время кампаніи 1812 г. былъ въ Смоленскѣ. Видъ его былъ важный и внушалъ уваженіе. Но о немъ будетъ рѣчь впоследствии, теперь же упомяну о нѣкоторыхъ другихъ знакомствахъ, приобретенныхъ около этого времени.

Я не только пользовался ложею посланника графа Воронцова-Дашкова въ театрѣ Сагсано, но иногда былъ приглашаемъ къ нему на обѣдъ. Онъ жилъ бариномъ; у него познакомился я съ графомъ Ромпео Belgiojoso, который превосходно пѣлъ баса, и чрезвычайно ловко подражалъ лучшимъ пѣвцамъ, въ особенности Ла-Блашу. Двоюродные братья его, князь Емиліо Бельджоіозо и младшій братъ его графъ Бельджоіозо, были прекрасные теноры. Первый вскорѣ оставилъ Италію, а второй пѣлъ въ совершенствѣ дуэты съ Ромпео Belgiojoso. Тогда же, кажется, я познакомился съ маркизою Висконти, потомъ со множествомъ второстепенныхъ артистовъ и любителей музыки.

Въ мартѣ 1831 года одинъ ли я, или вмѣстѣ съ Ивановымъ, не упомяну, навѣстилъ я еще Штерича, чтобы встрѣтить съ нимъ

паску. Мы въ то время жили со Штеричемъ душа въ душу и мое присутствіе было ему отрадно, скажу болѣе, полезно. Вскорѣ по приѣздѣ въ Туринъ ему приглянулась молоденькая танцовщица Colombi; она дѣйствительно была очень миловидна, хотя блѣдна. Онъ, не тратя времени, ловко распорядился и достигъ желаемого, такъ что сначала дѣло шло какъ нельзя лучше; но мало по малу, матушка его, Серафима Ивановна, любившая его до обожанія, начала беспокоиться и бояться, чтобы не образовалась постоянная и слѣдственно вредная для будущаго поприща (сaggière) ея сына, связь между нимъ и танцовщицей. Сначала она выражала свое неудовольствіе легкими намеками, насмѣшками, потомъ дѣло дошло до увѣщаній, просьбъ и упрековъ; это, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, еще болѣе привязывало его къ возлюбленной. Наконецъ мнѣ нерѣдко приходилось утѣшать то мать, то сына. Весьма памятно мнѣ, какъ однажды въ Миланѣ во время представленія «Crosciato» Мейербеера (музыку, которую я зналъ еще въ Петербургѣ и никогда не любилъ) почти все время Штеричъ рыдалъ жестоко на груди моей.

Возвратясь въ Миланъ, я ожилъ при появленіи чудной итальянской весны, воображеніе зашевелилось и я принялся работать. Въ это время мы уже нѣсколько были извѣстны, въ Миланѣ говорили о насъ, какъ о двухъ maestri Russi, изъ которыхъ одинъ поетъ, а другой играетъ на фортепьяно. Желая поддержать приобрѣтенную уже нѣкоторую извѣстность, я принялся писать пьесы для фортепьяно; для пѣнія еще не осмѣлился начать, потому что по справедливости не могъ еще считать себя вполне знакомымъ со всѣми тонкостями искусства (malizie dell' arte). Я началъ съ варьяціей на тему изъ «Анны Болены» Доницетти, которая посвятилъ Штеричу; написалъ потомъ варьяціи на двѣ темы изъ балета «Chao Kang» (Кіа-Кингъ); ихъ посвятилъ я графу Воронцову-Дашкову. Онѣ впоследствии были перепечатаны въ одномъ изъ музыкальныхъ журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ. Тою же весною написалъ Rondo на тему изъ «Monteschi è Capuletti» Bellini, и посвятилъ его дочери маркизы Visconti.

Кстати о фортепьянной музыкѣ: еще въ началѣ весны 1831 года, познакомился я съ сочиненіями Pollini, и скорѣ потомъ

и съ самимъ Pollini. По моему мнѣнію, это былъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ итальянскихъ артистовъ въ мою бытность въ Италиі, и, по всей справедливости, ему, а не кому другому, принадлежитъ изобрѣтеніе новаго способа играть на фортепьяно; въ этомъ согласенъ и Листъ, который говорилъ мнѣ, что объ этомъ предметѣ онъ написалъ статью въ какомъ-то журналѣ. Могъ ли воображать Pollini, что изъ его изобрѣтенія возникнетъ со временемъ отвратительная котлетная музыка на фортепьяно?

Въ 1831 году Поллини было около 80 лѣтъ. Онъ поддерживалъ себя строгимъ соблюденіемъ, по убѣжденію своему, принятой гигіены: мяса онъ не ѣлъ, а питался только растительною и молочною пищею. Несмотря на годы, игралъ еще, даже многосложные и до его времени никѣмъ не исполнимые, пассажи своей музыки, очень отчетливо и мягко, въ противоположность почти всѣмъ другимъ maestro въ Миланѣ, которые нещадно били руками по клавишамъ. Pollini любилъ свое искусство искренно: сперва онъ писалъ оперы, которыя мнѣ показывалъ; но замѣтивъ, что въ этомъ родѣ не произвелъ ничего особеннаго, рѣшился испытать свои силы иначе, и успѣхъ вполне увѣнчалъ труды его. Въ Миланѣ онъ пользовался заслуженною имъ славою, былъ уважаемъ всѣми и друженъ съ первоклассными художниками всѣхъ отраслей искусства. Россини былъ съ нимъ очень друженъ и однажды пропѣлъ у него всю свою оперу «Отелло» безъ ругадъ. Несмотря на это, искусство не было для него средствомъ для прибрѣтенія денегъ или выгодъ; онъ нашлъ себѣ весьма хорошее состояніе изобрѣтенымъ имъ декоктомъ (rob antisiphilitique) названнымъ имъ «Eau de M. Pollin», бутылку котораго продавалъ онъ по червонцу за каждую.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ періодѣ времени. Весною любилъ я послѣ завтрака ходить за городъ, и хотя окрестности Милана плоски, однакожь чрезвычайно воздѣланы и растительность роскошно хороша въ апрѣлѣ и маѣ. Былъ я на озерѣ Комо сперва одинъ, а потомъ я, Ивановъ, Eliodoro Bianchi и нашъ учитель итальянскаго языка отправились на три дня проѣхать по окрестностямъ, а именно: сперва въ Комо, оттуда на другой день на пароходѣ въ Varenna, изъ V.a.

геппа на шлюпкѣ въ Лессо, гдѣ переночевали. На третій день чрезъ Brianza въ Monza и обратно въ Миланъ.

Въ началѣ іюня мы навѣстили Штерича въ Туринѣ, чтобы проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ въ Германію на воды. Тамъ нашель я стараго товарища по пансіону Соболевскаго, автора эпиграмъ, и познакомился съ княземъ Элимомъ Мещерскимъ. Серафима Ивановна крайне была раздражена на танцовщицу сына своего и мы нерѣдко съ Соболевскимъ были свидѣтелями смѣшныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грустныхъ сценъ. Еще въ Туринѣ, сухой жаръ и постоянно ясное небо начали дѣйствовать очень раздражительно на мои нервы. По возвращеніи въ Миланъ, зной усилился, въ особенности вечеромъ; душный воздухъ отъ раскаленныхъ камней и стѣнъ домовъ утомлялъ несказанно; спать не было возможности. Теплыя ванны и приемы опиума, предписанные Filippi, не дѣйствовали.

Я воспользовался приглашеніемъ одного знакомаго семейства (въ бытность мою въ Миланѣ, не разъ я испытывалъ его радушное и искреннее гостепріимство), навѣстить ихъ въ Ансапо. Это деревня не далеко отъ извѣстной долины pian d'Erba, находящаяся между Como и Лессо. Кромѣ озеръ, посѣтителѣмъ Ломбардіи совѣтую проѣхать по Brianza и pian d'Erba; вездѣ шоссе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, De'Filippi послалъ меня съ Ивановымъ на минеральныя воды въ Trescorge, отстоящія отъ города Бергамо верстъ на тридцать. Нѣсколько этихъ сѣрныхъ ваннъ, съ примѣсю другихъ составныхъ частей, совершенно разстроили мои нервы. Я прекратилъ употребленіе водъ, и посѣтивъ близлежащія озера: Endino, Lovago или Sagnico, возвратился въ Миланъ, откуда нестерпимый зной снова выгналъ меня. Прибывъ вторично въ Trescorge, я уже не бралъ ваннъ, только пользовался превосходнымъ, чистымъ горнымъ воздухомъ.

Тамъ было пріятное общество. Танцы, прогулки и наконецъ кратковременное путешествіе въ Бергамо и Бресшію (Brescia), несмотря на страданія, доставили мнѣ не мало удовольствія.

По возвращеніи въ Миланъ, если не ошибаюсь, я испробовалъ декоктъ, eau de m-g Pollin; самъ Pollini наблюдалъ за его употребленіемъ. Послѣ одной или двухъ бутылокъ самъ

Pollini заставилъ меня прекратить леченіе, потому что невыносимая мигрень не давала мнѣ покою. Несмотря на постоянное страданіе *plexus solaris*, меня часто навѣщали пріятели Pini и Vesapa: этотъ послѣдній прекрасно пѣлъ баритономъ и впоследствии сдѣлался извѣстнымъ *dilettante*. Въ то же время приѣхалъ въ Миланъ Dessauer изъ Вѣны, и меня съ нимъ познакомили. Впоследствии Dessauer написалъ нѣсколько пьесъ, которыя имѣли успѣхъ въ Парижѣ.

Однажды Соболевскій привелъ ко мнѣ Мендельсона-Бартольди; я былъ боленъ, а онъ, полагаю отъ приобретенной мною и не вполне заслуженной репутаціи превосходнаго пианиста, принялъ со мною нѣсколько насмѣшливый тонъ. Я не игралъ, а онъ, послѣ долгихъ убѣжденій, сыгралъ *Rondo* въ легкомъ родѣ, по которому мнѣ нельзя было судить о размѣрахъ его таланта.

Ивановъ оставилъ свои уроки съ Eliodoro Bianchi еще до поѣздки въ водамъ Tressogne; мы оба замѣтили, что онъ заставлялъ слишкомъ усиливать голосъ (*forcer la voix*). Мы рѣшились въ сентябрѣ отправиться въ Неаполь, заѣхали въ Туринъ, откуда Штеричъ проводилъ насъ до Генуи. Не даромъ называютъ этотъ городъ *Gènes la superbe*; онъ расположенъ амфитеатромъ и мнѣ показался осуществленіемъ описанія Вавилона съ его висячими садами. Мы тамъ пробыли два дня и осмотрѣли все достойное примѣчанія. Наконецъ насталъ день отъѣзда. Штеричъ проводилъ насъ въ шлюпку до парохода. Это было послѣднее съ нимъ свиданіе; онъ скончался въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ, вскорѣ по возвращеніи въ Россію.

На другой день рано, мы были въ Livorno; погода была превосходная, это было въ началѣ октября. Изъ Livorno отправились мы, также на пароходѣ, въ Civitta Vecchia, а отсюда въ Римъ, гдѣ пробыли около двухъ недѣль*). Въ то время жила тамъ княгиня Зинаида Волконская. Въ качествѣ наставника, при сынѣ ея былъ Шевыревъ, извѣстный теперь профессоръ московскаго университета, съ которымъ я познакомился въ 1828 году, въ Москвѣ, у Мельгунова. Въ продолженіи пребыванія моего въ Римѣ, онъ былъ моимъ *Cicerone* и показывалъ

*) На полѣ карандашомъ: «Horace Vernet».

всѣ достопримѣчательности съ объясненіями. Въ достоинствѣ церкви св. Петра я не могъ убѣдиться, вѣроятно потому, что и до сихъ поръ готическія и византійскія церкви я предпочитаю всѣмъ другимъ.

Въ концѣ октября, мы поѣхали въ дилижансѣ въ Неаполь, на этомъ пути меня восхищали въ особенности пальмы въ Террачинѣ и кактусы между Itgi и Fondi*). Вообще, эти мѣста припомнили мнѣ первыя понятія дѣтства объ отдаленныхъ тропическихъ странахъ, а именно объ Африкѣ. Мы прибыли въ Неаполь 1-го ноября утромъ. Я былъ въ полномъ восторгѣ и долго не могъ налюбоваться необыкновенною, величественною красотою мѣстоположенія. Прозрачность воздуха, ясный праздничный свѣтъ, все это было для меня ново и восхитительно-прекрасно. Отъ отраженія солнца въ заливѣ, какъ въ зеркалѣ, Капри и отдаленныя горы Сорренто, казались въ ясную погоду полупрозрачными, подобно опаламъ.

Окрестности Неаполя можно раздѣлить на слѣдующія 4 группы:

- 1) Къ сѣверу: Puzzioli съ окрестностями, монастырь Камальдуловъ, заливъ Байя и островъ Искія.
- 2) Vomero и Capo di Monte.
- 3) Везувій, Помпейя, Геркуланъ и Портичи.
- 4) Кастелламаре, Сорренто и островъ Капри.

Такъ какъ мое намѣреніе было остаться долгое время въ Неаполѣ, я не спѣшилъ осматривать всего примѣчательнаго, а поэтому и не видалъ Сорренто и Капри, о чемъ искренно сожалѣю до сихъ поръ.

Заливъ Байя съ окрестностями я посѣтилъ съ тремя рыжими англичанками: матерью и двумя дочерьми, съ которыми былъ знакомъ еще на Эмскихъ водахъ. Когда мы вошли въ гроттъ Сибиллы и достигли до того мѣста, гдѣ онъ покрытъ водою, то я и англичанки вдругъ очутились верхомъ на спинѣ Lazzagoni, которые намъ служили проводниками. Англичанки, очнувшись отъ изумленія, громко жаловались на англійскомъ языкѣ, а Lazzagoni полагаая, что онѣ боятся упасть въ воду, прижималъ ихъ все болѣе и болѣе; это была презабавная сцена**).

*) Рукою Кувольнича написано: «объяснить». Рукою Глинка: «не нужно».

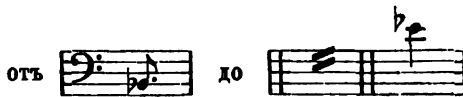
***) На полѣ написано карандашомъ: «четвертаго полчася».

Сочинялъ ли я что въ Неаполѣ? не помню; кажется, что я утвердилъ какую-то фортепьянную пьесу для какого-то концерта, у какихъ-то англичанъ.

У Иванова было рекомендательное письмо отъ князя Григорія Петровича Волконскаго (сына бывшаго тогда министра двора, князя Петра Мих. Волконскаго), къ знаменитому учителю пѣнія Nozzagi.

Онъ взялся учить Иванова безденежно, несмотря на то, что скупость едва ли не господствующая страсть у теперешнихъ итальянцевъ. Наживъ себѣ прекрасное состояніе, Nozzagi оставилъ сцену: но владѣлъ еще голосомъ и его скала отъ нижняго сіб до самаго верхняго, а именно:

была удивительно ровна и отчетлива, т.-е. въ своемъ родѣ была столько же превосходна, какъ гамма Фильда на фортепьяно.

Г-жа Фодоръ *) Мейнвиль (просто Фодорова) обличала свое происхожденіе: видъ ея, приемы, разговоръ на чистѣйшемъ русскомъ нарѣчьи и даже манера носить платокъ и поправлять его часто, все это принадлежало болѣе русской уѣздной барынѣ, нежели итальянской актрисѣ. Она оставила сцену по слабости здоровья, и поселилась въ Неаполѣ. Мы очень часто посѣщали ее. Мужъ ея м-г Mainvielle (бывшій актеръ французскаго театра), женившійся на ней въ Петербургѣ, безпрестанно рассказывалъ анекдоты, случившіеся будто бы съ нимъ въ Россіи во времена Павла I. Сама же она еще превосходно пѣла и выдѣлывала (самые) трудные пассажи такъ ловко и свободно, какъ въ Берлинѣ нѣмки вяжутъ чулки во время разныхъ представлений, не проронивъ ни одной петли. Она очень часто пѣла съ Ивановымъ и, поправляя его, придерживалась той же методы, какъ и Nozzagi, который заставилъ Иванова пѣть речитативы

*) На полѣ жопи рукою Кукольника: «Мадамъ Фодоръ точно съ неба упала, надо лавой нибудь переходить: «Въ Неаполѣ встрѣтился я съ» — или какъ хочешь». Рукою Глинки карандашомъ, который потомъ почти стертъ: «NB. Не нужно; въ печать не пойдетъ. Мимоза». (Прозваніе, которое часто давалъ себѣ Глинка вслѣдствіе болѣзненной чувствительности своего органа. См. Русск. Стар., стр. 383).

Рогрога, требуя отъ него непринужденнаго, мягкаго и отчетливаго исполненія. Когда Ивановъ усиливаль голосъ, онъ его останавливаль, говоря: «Сила голоса приобретається отъ упражненія и времени, а разъ утраченная нѣжность (*delicatezza*) навсегда погибаетъ».

Nozzari и Fodor я обязанъ болѣе всѣхъ другихъ *maestro* моими познаніями въ пѣніи.

Въ театрѣ Fondo я слышалъ Тамбурины, въ Turco in Italia, Rossini; онъ пѣль и игралъ очень хорошо. Въ San Carlo пѣвицей была Ronzi de Begnis, хорошая артистка, но съ голосомъ уже испорченнымъ (*voix cassée*); Basadonna (теноръ) былъ хорошъ. Моимъ же любимымъ театромъ въ Неаполѣ былъ маленький театръ S. Carlino; въ немъ играли на неаполитанскомъ нарѣчій (*vago dialetto napoletano*). Актеры тамъ были превосходные. Всѣ извѣстныя трагедіи принимали неаполитанскій характеръ съ помощію *pulcinello*.

Въ Неаполѣ я встрѣтился съ Карломъ Брюловымъ; тамъ же познакомился съ Беллини; у Доницетти былъ только одинъ разъ, и если не ошибаюсь, тоже въ Неаполѣ.

На одномъ изъ театровъ, вѣжется, на Teatro nuovo давали въ то время, на неаполитанскомъ нарѣчій, комическую оперу: *Il Ventaglio*. Это была довольно забавная пьеса, музыка которой чрезвычайно нравилась секретарю нашего посольства (бывшему моему пансіонскому товарищу) Ремеру; я же находилъ ее пошлою (*triviale*), и вовсе не искалъ знакомства съ сочинителемъ этой оперы Раймонди. Теперь оказывается, что этотъ Раймонди былъ весьма примѣчательный контрапунктистъ; тогда же онъ не пользовался особенною славою, хотя и былъ директоромъ музыкальной консерваторіи въ Неаполѣ. Вообще, мнѣ не суждено было учиться у строгихъ контрапунктистовъ.

Изъ соотечественниковъ, кромѣ принадлежащихъ къ посольству, я часто посѣщаль Кайсарову, Михайлова, который былъ женатъ на сестрѣ графа Аркадія Павловича Кутузова. Княгиня Волконская, жена министра двора, часто приглашала меня съ Ивановымъ къ себѣ обѣдать. Докторъ ея Pizzati меня пользовалъ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Неаполь у меня появилась сыпь, несмотря на которую я съ Ивановымъ отправился, въ декабрѣ

мѣсяцѣ, на Везувій, чтобы видѣть потокъ лавы. Въ Неаполѣ шелъ дождь, а когда мы стали взбираться на Везувій, насъ встрѣтила сильная русская снѣговая мятель. Въ домѣ, назначенномъ для пристанища путешественниковъ, всѣ комнаты были заняты. Надлежало вернуться; къ счастью мы столкнулись съ обществомъ французовъ, которые также принуждены были возвратиться въ Неаполь. Когда мы спускались съ горы, то факелы отъ сильнаго вѣтра погасли, и мы въ потемкахъ шли ощупью держась другъ за друга, чтобы не упасть въ пропасть.

Мы добрались наконецъ, совершенно измогнувъ, до Резины или Resina, гдѣ была коляска нашихъ французовъ; они пригласили насъ ѣхать съ ними до Неаполя. Но не успѣли мы далеко отъѣхать, какъ сломалось колесо, и мы принуждены были версты четыре идти пѣшкомъ. Сыпь скрылась и я захворалъ; оправясь въ короткое время, я снова отправился съ Ивановымъ на Везувій въ ясную зимнюю ночь, и мнѣ вполнѣ удалось видѣть потокъ раскаленной лавы.

Въ послѣдніе мѣсяцы я страдалъ жесточайшей бессонницей; на мою бѣду по тамошнему обычаю, вмѣсто опиума мнѣ давали нерѣдко довольно большіе приемы бѣлены (Hyosciamus), отъ которой впоследствии раздраженіе нервъ усилилось у меня до такой степени, что я почувствовалъ невыносимую тоску и рѣшился оставить Неаполь. Иванову, напротивъ того, пребываніе въ Неаполѣ послужило въ пользу. Приѣхавъ въ Италію, онъ не имѣлъ опредѣленной цѣли; но похвалы его голосу, лестный отзывъ Рубини, который нашелъ, что Ивановъ нотою беретъ выше его, польстили его самолюбію, и онъ рѣшился приготовляться для сцены. Въ Неаполѣ мы познакомились съ тамошнимъ придворнымъ живописцемъ, который нашелъ способъ представить Ивана во дворѣ, гдѣ онъ пѣлъ съ успѣхомъ, вслѣдствіе чего и дебютировалъ, какъ извѣстно, въ Teatro S. Carlo въ Аннѣ Боленѣ.

Я тогда совѣтовалъ Иванову, не прося отсрочки, ѣхать въ Россію, и потомъ, пробывъ тамъ годъ, взять отставку, а потомъ снова возвратиться въ Италію. Онъ пренебрегъ моимъ совѣтомъ.

Вообще Ивановъ былъ человѣкъ трудный, черствый сердцемъ, неповоротливъ и тушь умомъ. Достоинство его состояло въ прелести голоса и нѣкоторой инстинктивной способности подра-

жать въ пѣвнн. Мы съ нимъ не ссорились, но не могли также похвалиться особенной дружбой. Когда мы разстались въ Неаполѣ, то всѣ между нами сношенія прекратились *).

Въ концѣ февраля 1832 г. Ремеръ, ѣхавшій курьеромъ въ Россію, довезъ меня до Рима, гдѣ я остался не долго. Черезъ *Marchi d'Ancona*, въ дилижансѣ доѣхалъ я до Болоньи. Тамъ пробылъ сутки; осмотрѣлъ картинную галерею и *Campro Santo*. Оттуда черезъ Парму, Модену и Пiacенцу я прибылъ въ Миланъ въ началѣ марта.

Signora Giuseppa Abondio и Дидина обрадовались мнѣ, какъ родному. Вскорѣ я занялъ прежнюю квартиру, и такъ какъ отъ приемовъ бѣлены въ Неаполѣ я жестоко страдалъ нервами, за мною ухаживали съ искреннимъ участіемъ и заботливостью.

Тогда, помнится мнѣ, было однажды легкое землетрясеніе, и признаюсь, что и легкое сотрясеніе, которое я почувствовалъ будучи въ постелѣ, было весьма неприятно.

Весна снова оживила меня; я принялся за серенаду на темы *Somnambula*, для фортепьяно, двухъ скрипокъ, альты, виолончеля и контрбаса. Эта пьеса была посвящена молодой дѣвушкѣ, ученицѣ *Pollini*, которая превосходно ее исполнила, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1832 года, съ сопровожденіемъ лучшихъ миланскихъ артистовъ. Познакомившись съ семействомъ адвоката *Враса*, старшая дочь котораго *Cyrilla Cambiaggio* играла прекрасно на фортепьяно, а вторая, *Emilia*, порядочно на арфѣ, я принялся за серенаду на темы изъ *Анны Болены*, *Доницетти*.

Въ началѣ лѣта, взявши нѣсколько искусственныхъ сѣрно-

---

*) Ивановъ, о которомъ такъ часто упоминаетъ Глинка въ настоящихъ главахъ своихъ записокъ, оставшись самовольно за границей, приобрѣлъ тамъ извѣстность первокласснаго тенора. Арена его артистической дѣятельности была большею частію Италия, но едвали онъ ни пѣлъ и въ Лондонѣ. Ивановъ приобрѣлъ значительное состояніе и еще въ 1865 году жилъ въ роскошной своей виллѣ близъ Флоренціи. Покойный императоръ Николай Павловичъ, какъ говорятъ, былъ весьма разгнѣванъ поступкомъ пѣвца Иванова, и о немъ, со времени его эмиграціи, никогда не упоминали наши газеты и журналы; такимъ образомъ блистательные успѣхи русскаго пѣвца Иванова на европейскихъ сценахъ оставались незамѣчными въ Россіи. Не знаемъ, живъ ли еще этотъ замѣчательный артистъ въ настоящее время. Добавимъ, что поступокъ Иванова навлекъ въ свое время много неприятностей М. И. Глинкѣ, о чемъ, по обычному своему добродушію,—авторъ «Жизни за Царя»—предпочелъ въ своихъ запискахъ умолчать.

железныхъ ваннъ, я почувствовалъ приливы крови въ головѣ, которые въ послѣдствіи разразились такимъ сильнымъ нервнымъ припадкомъ, что докторъ мой De Filippi счелъ необходимымъ увести меня изъ Милана, гдѣ становилось уже слишкомъ жарко. Въ деревнѣ Luinate, что недалеко отъ городка Vagese, находящагося между озерами Maggiore и Como, жила замужня дочь De Filippi. Она была чрезвычайно высокаго роста, но съ пріятной и выразительной фізіономіей. Сверхъ того она была превосходно воспитана, хорошо знала французскій, нѣмецкій и англійскій языки, и играла примѣчательно хорошо на фортепяно, такъ что лучшіе артисты, какъ на примѣръ Chopin, посѣщали ее; она нерѣдко играла съ нимъ за годъ до моего пріѣзда. Пробывъ въ Luinate нѣсколько дней, De Filippi на обратномъ пути отрекомендовалъ меня и сдалъ на руки пріятелю своему, доктору Гранса, брату адвоката Гранса, и я у него поселился. Онъ былъ женатъ, у него была малолѣтняя дочка и два сына, Marchin и Min. Судьба не благопріятствовала ему и неудовольствіе ясно выражалось на лицѣ и въ его острыхъ сѣрыхъ глазахъ. Естественно, что я часто навѣщаль дочь De Filippi; сходство воспитанія и страсть въ одному и тому же искусству не могли не сблизить насъ. Соображаясь съ ея сильною игрою на фортепяно, я началъ для нея Sestetto originale для фортепяно, двухъ скрипокъ, альты, віолончеля и контрбаса; но въ послѣдствіи, окончивъ его уже осенью, я принужденъ былъ посвятить его не ей, а ея пріятельницѣ. Я долженъ былъ прекратить частыя мои посѣщенія, потому что онѣ возбудили подозрѣнія и сплетни. De Filippi былъ не мало этимъ огорченъ, и чтобы замять дѣло половчѣе, въ послѣдній разъ нарочно повезъ меня къ дочери; мы прогуливались почти цѣлый день въ шляпѣ по Lago Maggiore въ непріятную погоду, которая соотвѣтствовала тогдашнему нашему расположенію духа. Вслѣдствіе разлуки я написалъ романсъ на слова Felice Romani: Ah se tu fossi mio, которыя мнѣ сообщила дочь De Filippi. Тою же весною, одинъ знакомый Соболевскаго сообщилъ мнѣ въ Миланѣ слова двухъ романсовъ: Побѣдитель, Жуковскаго и Венеціанскую ночь, Козлова; я тогда же написалъ ихъ.

Въ окрестностяхъ Vagese много видалъ богатыхъ миланскихъ жителей; но лѣтомъ онѣ необитаемы; по тамошнему обы-

чаю приѣзжаютъ на дачи осенью и живутъ до конца декабря. Большую часть жителей составляютъ бѣдные и грубые земледѣльцы; слышишь только разговоры о хлѣбахъ, шелѣ и виноградѣ. Докторъ Вганса, хотя и былъ образованъ, но живя постоянно въ деревнѣ, нечувствительно огрубѣлъ и въ его обращеніи было что-то жесткое. Къ моему счастью переѣхала въ Varese племянница доктора, старшая дочь адвоката Вганса Cyrilla Cambiaggio съ мужемъ своимъ Isidoro Cambiaggio, простымъ и очень добрымъ человѣкомъ. Начатую мною Серенату на мотивы изъ Анны Болены для фортепяно, арфы, альты, виолончеля, фагота и волторны, я продолжалъ у Cambiaggio, гдѣ было маленькое фортепяно. Приѣздъ Эмилии Бранка еще болѣе поощрилъ меня къ труду. Это была дѣвушка необыкновенно стройная и довольно милостивая. Она мнѣ приглянулась, да и я, кажется, былъ ей не противенъ, такъ что въ занятіяхъ, дружескихъ бесѣдахъ и прогулкахъ время проходило приятно. По окончаніи Серенаты рѣшено было исполнить ее на террасѣ дома адвоката Бранка въ Миланѣ; мы надѣялись на огромный эффектъ, но плохо разоцли акустику, и звуки разносидо на всѣ стороны. Во время репетицій, напротивъ того, пьеса шла удачно; на инструментахъ играли первые артисты изъ Teatro della Scala, когда я услышалъ въ первый разъ Solo моей пьесы для альты; игранное знаменитымъ Rolla, отъ чистоты и вѣрности звука у меня навернулись на глазахъ слезы, а онъ еще спрашивалъ моего совѣта.

Rolla, извѣстный альтистъ, былъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ артистовъ своего времени. Ему тогда было 80 лѣтъ, но онъ игралъ еще чрезвычайно отчетливо, вѣрно и безъ тѣни шарлатанства. Управляя оркестромъ въ Teatro della Scala, онъ самъ выправлялъ всѣ партіи, безъ очковъ и ни подъ каемъ предлогомъ, ни разу не уклонялся отъ своей должности.

Когда я приѣзжалъ въ Миланъ, то нерѣдко навѣщалъ Pollipi, который полюбилъ меня; въ особенности послѣ посвященной мною его ученицѣ пьесы, за которую далъ собственный манускриптъ, утратившійся во время путешествія. У него не рѣдко встрѣчалъ я Беллини, съ которымъ сблизился до нѣкоторой степени. Хотя онъ родился у подошвы Этны въ Катано, но былъ бѣловуръ, бѣлъ и очень приятенъ лицомъ, роста достойнаго; его

обращение и приемы обнаруживали человека принадлежавшаго хорошему обществу. Не рѣдко бесѣдовали мы съ нимъ о нѣмецкихъ композиторахъ, съ которыми онъ былъ не очень знакомъ: писалъ же онъ по инстинктивному чувству, стараясь дѣйствовать на сердце женщинъ преимущественно.

Норму я слышалъ весною въ 1832 году въ Teatro la Scala. Играла Паста, Дондзелли и Giulietta Grisi, тогда только-что начавшая свое поприще пѣвицы; она не была еще такъ тучна, какъ въ Парижѣ, и слѣдственно примѣчательно хороша; но пѣла нѣсколько кошечкой, т.-е. желая смягчить какую-нибудь музыкальную фразу, мяукала нѣсколько въ носъ. Отелло мнѣ болѣе понравился, какъ музыка и какъ драма. Въ послѣдней сценѣ Donzelli былъ такъ превосходенъ, что страшно было смотрѣть на него.

Pini познакомилъ меня (кажется еще въ 1831 году) съ сестрой своей, чрезвычайно больной женщиной, но еще красивой; блѣдностью она походила на превосходную мраморную статую. Мужъ ея, зять Пини по имени Giulini, человекъ радушный и веселый, былъ негоціантомъ, но оставилъ дѣла и жилъ съ семействомъ весною, лѣтомъ и зимою въ собственномъ домѣ въ Миланѣ, а осенью на озерѣ Комо, на прелестной дачѣ. У нихъ былъ маленькій сынъ, учившійся въ пансіонѣ; двѣ старшія дочери, Luiggia и Carlotta, были миловидныя, привѣтливыя и благовоспитанныя дѣвушки. Старшая Luiggia пѣла чрезвычайно мило, хотя голосъ ея былъ не силенъ; даже меньшая дочка, лѣтъ пяти, отлично подражала Пастѣ въ послѣдней сценѣ Нормы: *In mia man al fin tu sei.*

Я часто посѣщалъ семейство Giulini, гдѣ господствовалъ миръ и радушіе и гдѣ всякому гостю было какъ-то весело на душѣ, не смотря на болѣзненное состояніе хозяйки, страданія которой умѣрялись заботливыми попеченіями дочерей, въ особенности Карлотты, которая съ истинною дѣтскою любовью поддерживала ее, водила къ столу и помогала вставать съ вресла.

Pini пѣлъ порядочно теноромъ, Luiggia Giullini сопрано, а сестры ея и пріятельницы contessina Cassera, миловидная блондинка, хорошо исполняла второго сопрано и контральто. Эта contessina Cassera и ея матушка, пріятная и красивая еще женщина, отправились въ Парижъ: по возвращеніи ихъ я по-

святилъ молодой графинѣ сочиненныя мною варьяціи (вѣроятно въ томъ же 1832 году) на тему изъ *Montechie Capuletti, Bellini: L'amo, l'amo e a me piu saга*. Графиня же, во время пребыванія въ Парижѣ, слыша часто извѣстную *Malibran*, отъ которой была въ восторгѣ, значительно усовершенствовалась въ пѣніи. Между прочимъ, тріо второго акта изъ оперы, *Le comte d'Ory*, Россини, шель прекрасно, исполненный старшею *Giulini*, графиней *Cassera*. Личи. Домашнимъ маэстро былъ *Mauri*, очень хорошей учитель пѣнія. Тамъ же не рѣдко встрѣчалъ я одного изъ первыхъ маэстро на фортепьяно *Trevani*. Въ Миланѣ я встрѣтился еще съ *Iwan Müller*, кларнетистомъ; онъ считалъ себя русскимъ, потому что былъ родомъ, можетъ быть, изъ остзейскихъ провинцій, или потому, что вмѣсто *John* подписывался *Iwan*. Главное въ томъ, что посредствомъ множества клапановъ (*clefs*) онъ могъ играть на одномъ и томъ же кларнетѣ, во всѣхъ тонахъ; хотя отъ этого нововведенія вмѣсто полного, свойственнаго этому инструменту звука, онъ издавалъ рѣзкіе тоны, подобныя гусиному крику,—изобрѣтатель все-таки гордился своимъ изобрѣтеніемъ. Къ счастью любителей хорошей музыки, этотъ кларнетъ въ оркестръ не введенъ, и вездѣ кларнеты въ В и А продолжаютъ быть въ употребленіи.

По приглашенію *Giulini*, въ концѣ сентября, я прѣѣхалъ погостить къ нему и его семейству, на его прекрасную дачу въ *Трамедзинѣ*, что на срединѣ озера *Комо*. *Giulini* былъ достаточный человекъ, домъ былъ прекрасный; мнѣ отвели отличную комнату и угощали такъ, какъ бы у насъ на Руси, только поумнѣе, т. е. было всего достаточно, но въ мѣру, а не черезъ мѣру. Я помню, какъ теперь, что мнѣ на завтракъ отпускали порцію отличнаго бифштекса, потому что узнали, что я люблю его. Я прожилъ у нихъ почти весь октябрь, и это безспорно послѣднее пріятное время, проведенное мною въ Италіи.

Кромѣ меня гостилъ тамъ *Rini* и одинъ живописецъ изъ Милана, который потѣшалъ насъ смѣшными фарсами. Рано по утру всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Я, послѣ краткой прогулки, продолжалъ свой секстетъ, котораго началъ уже финалъ. Передъ обѣдомъ собирались всѣ; иногда пѣли, иногда бесѣдовали. Послѣ обѣда, чрезъ нѣсколько времени, отправлялись или гулять; мѣсяца едва было достаточно, чтобы осмотрѣть близлежащія пре-

лестныя обрѣстности. Нѣкоторыя деревья начинали уже измѣнять цвѣтъ зелени, и лиловатый отливъ дали чудно гармонировать съ предметами болѣе близкими. Я часто восклицалъ въ восторгѣ: *O dio! Che tinte!* при чемъ хозяинъ *Giulini* всегда улыбался съ самодовольнымъ видомъ. По вечерамъ собирались сосѣди и сосѣдки, играли въ разныя игры, пѣли и, кто умѣлъ, потѣшалъ общество разными фарсами. Между сосѣдками была нѣвица *Този*; она иногда пѣла въ нашемъ обществѣ. Ея голосъ былъ силенъ и высокъ, среднія ноты неудовлетворительны. Ей слѣдовало зимою пѣть на театрѣ *della Scala* въ Миланѣ и дебютировать въ оперѣ: *Фаустъ*, *Доницетти*. Такъ какъ въ партитурѣ не было по ея мнѣнію приличной каватинны или *grèghiera* для входа, то она попросила меня написать ее. Я исполнилъ ея просьбу и вѣдется удачно, т.-е. совершенно въ родѣ *Беллини* (какъ она того желала); причемъ я по возможности избѣгалъ среднихъ нотъ ея голоса. Ей понравилась мелодія, но она была недовольна, что я мало выставилъ ея среднія, по ея мнѣнію лучшія, ноты въ голосѣ. Я попробовалъ еще разъ сдѣлать перемѣны и все не могъ угодить ей. Наскучивъ этими претензіями, я тогда же далъ себѣ зарокъ не писать для итальянскихъ примадоннъ.

Оставя озеро *Комо*, я отправился въ *Varese*, а оттуда въ Миланъ. Время стало портиться, а съ нимъ и мое здоровье. *De Filippi* прожегъ мнѣ затмлокъ ляписомъ, при чемъ боль была чрезвычайно сильная и въ прожженное мѣсто входили двѣ большихъ горошины, но раны не образовалось. Теперь еще ясно видѣнъ знакъ на мѣстѣ операціи. По совѣту поселившася въ *Borgovico* подлѣ *Сомо*, доктора *Франка* изъ виленскаго университета, въ концѣ или половинѣ ноября приложили мнѣ на брюхо пластырь изъ камфоры и *diachylon*. Этотъ злокачественный пластырь погубилъ мои нервы и довелъ меня въ скоромъ времени до отчаянія и до тѣхъ фантастическихъ ощущеній, которыя называются: *Sinne-Irrefungen, hallucinations*. Въ первую половину зимы страданія мои были еще сносны, и я посѣщалъ театръ и знакомыхъ. Давали тогда превосходный фантастическій балетъ *Маскарадъ*.

Я посѣщалъ часто семейство *Giulini*, гдѣ былъ принятъ, какъ домашній; написалъ для *Luigia* каватину: *Beatrice di*

Tenda, слова Pini, потомъ для обѣихъ старшихъ сестеръ: *Impromptu en galop*, на тему изъ *Elisir d'amore*, Donizetti. По окончаніи *Sestetto*, онъ былъ исполненъ у пріятельницы дочери De Filippi. Отецъ этой барышни былъ извѣстный въ Миланѣ *seccatore* (*facheux*), т.-е. человѣкъ, который умѣетъ постоянно докучать своимъ неумѣстнымъ посѣщеніемъ и пускаетъ корни, т.-е. остается долго во время посѣщенія. Дочь его сыграла мой *Sestetto* неудовлетворительно, но поддержали пьесу лучшіе артисты, которые ей аккомпанировали; Ромео *Belgiojoso* очень понравился даже ходъ басовъ въ финалѣ. Во время исполненія этой пьесы, я помню, что отъ дѣйствія пластыря у меня нѣмѣли руки и ноги до такой степени, что я щипалъ себя, чтобы убѣдиться, что еще въ нихъ сохранилась жизнь. Но я все еще кое-какъ боролся съ страданіями и писалъ тріо для фортепьяно, кларнета и фагота. Мои пріатели артисты театра della Scala: Tassistro на кларнетѣ и Contu (Контю) на фаготѣ мнѣ аккомпанировали, и по окончаніи финала послѣдній сказалъ съ изумленіемъ: «*Ma questo e disprezazione!*» и дѣйствительно, я былъ въ отчаяніи.

Въ первое время пластырь держался мѣсяць, потомъ три, двѣ недѣли; послѣднее же время онъ высыхалъ въ сутки, ибо поглощался, такъ-сказать, организмомъ и надлежало его ежедневно возобновлять, отъ чего у меня члены нѣмѣли. Меня душило, я лишился аппетита, сна и впалъ въ то жесточайшее отчаяніе, которое выразилъ я въ вышеупомянутомъ *Тріо*.

Я рѣшился ѣхать въ Венецію, чтобы развлечься, надѣясь, что путешествіе, какъ это не рѣдко было, поправить мое здорье. De Filippi одобрилъ мое намѣреніе, и я въ концѣ февраля 1833 года отправился въ дилижансѣ одинъ.

Въ Венеціи, рекомендательныя письма мнѣ вовсе не послужили въ пользу. Въ то время Беллини ставилъ тамъ свою оперу: *Beatrice di Tenda*, и съ его позволенія я посѣщалъ репетиціи, на которыхъ часто встрѣчался съ *Giovanni Ricordi*, мой мѣ издателемъ въ Миланѣ.

Въ то время, музыкальный его магазинъ былъ первый въ Италиі, а можетъ быть и въ цѣломъ свѣтѣ, по числу принадлежавшихъ ему и изданныхъ имъ оперъ. Во Флоренціи также было отдѣленіе того же магазина. Самъ *Ricordi* былъ очень хо-

рошій человекъ. Я присутствовалъ на послѣдней репетиціи и былъ также на первомъ представленіи. Несмотря на всѣ старанія Пасты, исполнявшей роль Beatrice, пьеса не удалась.

Не теряя времени, я осматривалъ достопримѣчательности города; но изъ всего видѣннаго мною, помню только площадь S. Marco, дворецъ дожей съ картинами Tintoretto: Gloria, мостъ Rialto, Греческую обѣдню и безчеловѣчныя орудія пытки, которыя видѣлъ незадолго до отбѣзда, во время собственныхъ мученій.

Хотя на пути изъ Милана въ Венецію я сорвалъ съ себя пластырь, но онъ все еще продолжалъ дѣйствовать, ибо организмъ мой былъ насыщенъ (saturé) имъ. Къ этому вредному дѣятелю присоединились и другіе, а именно морской воздухъ, сирокко, который жестоко свирѣпствовалъ во время моего пребыванія въ Венеціи, и запахъ каменнаго угля, отъ котораго я часто угоралъ по ночамъ. Отъ совокупнаго дѣйствія этихъ причинъ, мое здоровье шло все хуже и хуже; наконецъ, однажды я угорѣлъ такъ сильно, что едва очнулся.

Въ это время, въ одномъ, если не ошибаюсь, трактирѣ со мною, жила супруга нашего посланника въ Римѣ, княгиня Гагарина съ дѣтьми и гувернеромъ, и я посѣщалъ ихъ. Видя мое страданіе, она, кажется, отрекомендовала мнѣ своего доктора, который, приписывая всѣ мои страданія разстройству желудка, предписалъ мнѣ промывательное, которое должно было содѣйствовать моему облегченію. Такъ какъ желаемого дѣйствія не воспослѣдовало, то онъ предписалъ мнѣ другое промывательное изъ кваренной соли. Это послѣднее произвело такое неожиданно-сильное дѣйствіе, что не знаю, какъ я остался въ живыхъ. Невыносимо-мучительное раздраженіе въ брюхѣ, съ жаромъ и съ замираніемъ, но безъ лихорадки, вмѣстѣ съ мучительнымъ ощущеніемъ страха или лучше сказать ужаса. Этотъ припадокъ продолжался съ поздняго вечера до утра. Я остался въ домѣ княгини Гагариной, а гувернеръ не покидалъ меня и водилъ гулять; но воздухъ мало пособлялъ мнѣ. На другой день я отправился обратно въ Миланъ. Въ дилижансѣ были Ricordi и одна его знакомая дама, которой было гѣтъ за сорокъ; оба они съ участіемъ ухаживали за мной и старались успокоивать

меня во время припадковъ, которые возобновились на другой день путешествія. По прибытіи въ Миланъ, De Filippi нашелъ мой пульсъ въ такомъ положеніи, что велѣлъ мнѣ сейчасъ же пустить кровь изъ лѣвой руки, что однакожь не произвело значительной пользы. Мои страданія усилились, желудокъ совершенно отказался служить. Мнѣ намазали спину такою мазью, что сошла кожа и по живому мясу мазали морфиномъ. Всѣ и эти другія средства остались тщетными, и болѣзнь, или лучше сказать жестокія страданія продолжались около шести недѣль, т.-е. отъ половины марта до конца апрѣля.

Ухаживали за мною Didina, съ невыразимымъ участіемъ, Signora Giuseppa Abbondio и добрый Isidoro Cambiaggio; онъ сажалъ меня въ ванну и водилъ гулять.

Во время припадковъ, возобновлявшихся ежедневно ночью, приходила старушка (garde malade). Къ утру раздраженіе мало-по-малу успокоивалось и я чувствовалъ усталость и нѣчто въ родѣ голода (fausse faim), и тогда я пожиралъ булочки съ оршадомъ изъ дынныхъ сѣменъ, превосходно изготовленныхъ миланскими монахинями. Безъ сомнѣнія, этотъ внушенный мнѣ инстинктомъ самохраненія завтракъ, въ родѣ катаплазма, не мало содѣйствовалъ моему облегченію. Въ промежуткахъ между припадками, страданія становились тусклѣе; я садился за фортепьяно и невольно извлекалъ фантастическіе звуки, въ которыхъ отражались фантастическія, тревожившія меня ощущенія. Но это чрезвычайное раздраженіе нервной системы подѣйствовало не на одно только воображеніе; изъ неопредѣленного и сиповатаго голоса, образовался у меня вдругъ сильный, звонкій, высокій теноръ, которымъ я потѣшалъ публику слишкомъ пятнадцать лѣтъ; да и теперь еще съ вспомогательными средствами, подъ иной часъ, вытяну два или три романса.

Въ концѣ апрѣля De Filippi отправилъ меня опять въ Varese къ доктору Вранса. Жить мнѣ тамъ было трудно, хотя впоследствии и переѣхали туда Cambiaggio съ женою.

Докторъ по привычкѣ водилъ меня гулять безъ пощады, иногда нанималъ кабриолетъ, и я ѣздилъ съ его сыновьями по окрестностямъ; также не мало ѣздилъ и верхомъ. Отъ этого желудокъ служилъ нѣсколько исправнѣе; но мучительныя ощу-

щенія часто возобновлялись. Иногда бывалъ я въ Миланѣ, но на короткое время. Былъ на озерѣ Комо, гдѣ снова встрѣтилъ Соболевскаго, съ которымъ мы посѣтили Пасту въ день ея именинъ, въ ея собственной villa; тамъ же барыня, ѣхавшая со мною изъ Венеціи, прислужилась мнѣ Le gou, а потомъ докторъ Франъ прислужился пластыремъ изъ камфоры съ опиумомъ; по возвращеніи же моемъ въ Vagese докторъ Вранса угощалъ меня еще чѣмъ-то. При всемъ томъ, мучительныя ощущенія довели меня до глубокой тоски, а сія послѣдняя до носталгіи (Heimweh).

Къ счастью, я въ іюлѣ мѣсяцѣ получилъ изъ дому извѣстіе, что сестра моя Наталья Иваповна съ мужемъ своимъ Ниволаемъ Дмитріевичемъ Геденовымъ поѣхала въ Берлинъ. Это извѣстіе зажгло во мнѣ желаніе туда же отправиться; а какъ препятствій къ исполненію его не было, то я и оставилъ Италію въ концѣ того же іюля 1833 года.

Не лишнимъ считаю вывести здѣсь краткій итогъ приобретеннаго мною въ мое пребываніе въ Италіи.

Страдалъ я много; но много было отрадныхъ и истинно поэтическихъ минутъ. Частое обращеніе съ второклассными и первоклассными пѣвцами и пѣвицами, любителями и любительницами пѣнія практически познакомило меня съ капризнымъ и труднымъ искусствомъ управлять голосомъ и ловко писать для него. Nozzari и Todor въ Неаполѣ были для меня представителями искусства, доведеннаго до *non plus ultra* совершенства; они умѣли сочетать невѣроятную (для тѣхъ, кто не слышалъ ихъ) отчетливость (*finito*) съ непринужденною естественностью (*grâce naturelle*), которыя послѣ нихъ едва ли мнѣ удастся когда либо встрѣтить. Не говорю о Рубини, даже въ пѣніи Пасты было не безъ нѣкотораго рода претензій на эффектъ. Мои занятія въ композиціи считаю менѣе успѣшными. Не малаго труда стоило мнѣ поддѣлываться подъ итальянское *Sentimento brillante*, какъ они называютъ ощущеніе благосостоянія, которое есть слѣдствіе организма счастливо-устроеннаго подъ вліяніемъ благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе; впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ, или нешто-

вая веселость или горькія слезы. Любовь*) у насъ всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная пѣсня есть дитя Сѣвера, а можетъ быть нѣсколько передана жителями Востока; ихъ пѣсни также заунывны, даже въ счастливой Андалузїи. Иванъ Евимовичъ говорилъ: «Послушай поволжскаго извощика; пѣсня заунывна; слышно владычество татаръ;—пѣли,—поютъ, довольно!»

Но обращаюсь въ предмету. Весну и первую половину лѣта 1833 года страданія не допускали меня работать. Я не писалъ, но много соображалъ. Всѣ написанныя мною, въ угожденіе жителямъ Милана, пьесы, изданныя весьма опротно Giovanni Ricordi, убѣдили меня только въ томъ, что я шель не своимъ путемъ, и что я искренно не могъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски.

Итакъ, въ іюлѣ я оставилъ Италію. Докторъ Вранса сопровождалъ меня до Вѣны. Ъхали мы слѣдующимъ путемъ: Ромо, Вагенна, Colico, Sondrio, Borgio (Valtellina), потомъ чрезъ Monte Stelvio (Ortler-Spit) въ Тироль до Инспрука. По этимъ мѣстамъ мы путешествовали въ маленькой коляскѣ (chaise de poste), мѣняя ее на каждой станціи. Изъ Инспрука, чрезъ Зальцбургъ, Линцъ, въ Вѣну. Тироль суровѣ Швейцарїи, но виды не такъ живописны; между Инспрукомъ и Зальцбургомъ мѣстоположеніе интереснѣе.

Вѣна, послѣ Итали, показалась мнѣ мрачною, въ особенности по причинѣ дурной погоды. Я часто и съ удовольствіемъ слышалъ оркестры Ланнера и Штрауса. Докторъ Вранса водилъ меня въ восковой анатомическій кабинетъ, объясняя все, въ особенности относящееся до моей болѣзни, чѣмъ не мало успокоилъ мое воображеніе.

Мы совѣтовались съ докторомъ Malfatti; онъ послалъ меня на Баденскія воды, что подлѣ Вѣны.

Докторъ Вранса остался со мною недѣлю, здоровье мое видимо разстроилось, и когда онъ уѣхалъ, меня повезъ нанятый лакей (Zofenlafar) изъ трактира Дикаго человѣка (zum Wilden Mann) въ Баденъ. Тамашній докторъ, плотный, здоровый и

*) Зачеркнуто и снова подчеркнуто: «это восхитительное чувство, животворящее вселенную».

краснощекій парень, цѣлый день потѣшался верховой ѣздой и танцами; меня же заставилъ пить воды и купаться*); въ послѣдствіи, къ ваннамъ присоединили души (douches).

Воды баденскія весьма сильны; онѣ состоятъ изъ сѣры и квасцовъ. Въ скоромъ времени разстройство нервъ дошло до ужасной степени, наконецъ, не только hallucinations, т.-е. обманы чувствъ, начали терзать меня, но ноги и руки не повиновались вполнѣ, и мой лакей долженъ былъ водить меня.

За нѣсколько дней до этого положенія, мой добрый служитель, гуляя со мной, завелъ меня въ католическому священнику, у котораго было фортепьяно. Я началъ импровизировать и вѣроятно очень жалобно, потому что священникъ съ удивленіемъ спросилъ меня: «Какъ возможно въ ваши лѣта играть такъ грустно?» — «Что же дѣлать! Вѣдь не легко быть приговореннымъ къ смерти, особенно въ цвѣтѣ лѣтъ», отвѣчалъ я, при чемъ кратко рассказалъ мои страданія, а также и то, что всѣ испытанныя средства служили только къ большому и большому разстройству моего здоровья. Священникъ спросилъ, прибѣгалъ ли я къ гомеопатическому леченію. Я принялъ это за насмѣшку. Могъ ли я предполагать, чтобы невидимые, такъ-сказать, атомы лекарствъ, содержащіяся въ мелвихъ крупицахъ, могли дѣйствовать послѣ тѣхъ массъ лекарствъ, въ которыя меня погружали, и которыя я выпилъ. Онъ однакоже настоятельно старался убѣдить меня и заключилъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: «Вы считаете себя приговореннымъ къ смерти; въ такомъ случаѣ, не все ли вамъ равно умирать отъ аллопатіи или гомеопатіи?»

Когда я впалъ въ такое жестокое состояніе, что мой добрый лонь-лакей потерялъ голову, онъ послалъ за своей женой, женщиной зрѣлыхъ лѣтъ. Она, не теряя времени, явилась и сейчасъ съ мужемъ увезла меня въ Вѣну. Финансы мои были въ самомъ жалкомъ положеніи. Поѣздка изъ Варезе въ Вѣну, издержки на обратный путь доктора Бранка, и ужасная дороговизна жизни въ Баденѣ, почти совершенно истощили казну мою. Мои добрые повровители (близкихъ знакомыхъ въ Вѣнѣ не было) помѣстили

* «Вотъ всегдашнія слова его: *Xristen Sie nur haben Sie sich selbst — alles wird sich geben.*» Прим. Глинка карандашомъ въ копіи на полѣ.

меня у себя на квартирѣ, въ скромной, но опрятной комнатѣ, и ухаживали за мною съ постоянною заботливостью. Сейчасъ по приѣздѣ въ Вѣну я вспомнилъ слова священника и отправился къ рекомендованному имъ доктору, по имени: *Magn-Zeller*. На другой день, по приѣмъ даннаго симъ послѣднимъ гомеопатическаго средства, я стоялъ уже крѣпче на ногахъ, въ короткое же время и расположеиіе духа стало спокойнѣе, хотя неприятныя ощущенія все еще продолжали тревожить меня.

Получивъ деньги, я съ признательностью расплатился съ своими гостепріимными покровителями, на нѣсколько времени оставилъ лонъ-лакея при себѣ; самъ же переѣхалъ въ *Kärtner Straße*. Это было въ концѣ августа. Я принялся для развлеченія читать Шиллера и переписывать любимыя пьесы; равнымъ образомъ нанялъ фортепьяно и твердилъ варьяціи Герца на разныя темы. Наслушавшись Ланнера и Штрауса, не разъ пытался сочинять, и помню, что тогда изобрѣлъ тему, послужившую мнѣ для *Бравовьяка* въ «Жизни за Царя», а именно:

Въ сентябрѣ, проѣздомъ были въ Вѣнѣ Павелъ Васильевичъ Энгельгардъ съ женою, и кузина моя Наталья Ивановна съ мужемъ своимъ П. П. Рындинымъ. Я провелъ съ ними пріятно нѣсколько дней. Вскорѣ по ихъ отѣздѣ прибылъ въ Вѣну братъ зятя моего Гедеонова, находившагося уже тогда въ Берлинѣ, Федоръ Дмитриевичъ; онъ поселился со мною и доводилъ до слезъ отъ смѣху каждое утро, болтая со мною скороговоркою по-нѣмцеи.

Согласуясь съ моимъ непреодолимымъ желаніемъ свидѣться съ сестрой и его братомъ, онъ, въ первой половинѣ октября, съ свойственною ему ловкостью, и въ короткое время устроилъ все для путешествія; во время пути заботился обо мнѣ, какъ бы о родномъ братѣ, и когда я охалъ, то онъ пѣлъ пѣсни и рассказывалъ побасенки, чтобы развлечь меня. Я въ вѣкъ буду ему за это признателенъ.

Я ожилъ душою при свиданьи съ сестрою и зятемъ. Сестра была необыкновенно кротка и доброты неизреченной; зять мой,

добраго, открытаго нрава, но очень вспыльчивъ. Сестру пользовали: операторъ Диффенбахъ, извѣстный во всемъ свѣтѣ, и королевскій акушеръ Гауке. Этого послѣдняго зять прозвалъ китомъ. Когда ему отрекомендовали меня, то онъ спросилъ съ видомъ удивленія, указывая на меня: «Comment! lui, compositeur?» и вслѣдствіе того далъ мнѣ съ зятемъ музыкальный вечеръ; тамъ явилось штукъ пятнадцать нѣмочекъ съ нотами, которыя съ листа пропѣли нѣсколько хоровъ, преимущественно Шпонтини (Spontini).

Диффенбахъ посовѣтовалъ мнѣ гусарскую жизнь (Husaren Leben) и гимнастику; но ни то, ни другое не произвело желаннаго успѣха.

Въ Берлинѣ встрѣтилъ я пансіонскаго товарища Чиркова, страннаго, но милаго и образованнаго человѣка, съ которымъ я жилъ въ Петербургѣ въ 1828 г.*). Приѣхавъ въ Берлинъ, сначала поселился я съ сестрою и зятемъ въ Jäger-Straße, № 10**), во второмъ этажѣ; но впослѣдствіи занялъ въ томъ же домѣ, въ томъ же этажѣ, наспротивъ сестры и зятя и подобную имъ квартиру. Черезъ нѣсколько времени по приѣздѣ, я встрѣтился съ учителемъ пѣнія Тешнеромъ, котораго зналъ еще въ Миланѣ. Онъ познакомилъ меня съ своей ученицей Маріей. Ей было лѣтъ 17 или 18. Она была нѣсколько израильскаго происхожденія, высокаго роста, но еще не сложилась; лицомъ же очень красива и походила нѣсколько на Мадонну. Кромѣ Маріи, семейство состояло изъ отца, матери и двухъ братьевъ. Я началъ учить ее пѣнію и написалъ для нея этюды; изъ одной изъ нихъ, впослѣдствіи, я аранжировалъ Еврейскую пѣсню для драмы Кувольника: К. Холмскій. Почти ежедневно видѣлъ Марію, и нечувствительно почувствовалъ къ ней склонность, которую, кажется, и она раздѣляла.

Тотъ же Тешнеръ отрекомендовалъ мнѣ гомеопатическаго доктора Штюллера, у котораго я постоянно пользовался во все время пребыванія моего въ Берлинѣ.

Ему же, т.-е. Тешнеру обязанъ знакомствомъ съ Зигфридомъ Деномъ (Dehn); онъ теперь Custos музыкальнаго отдѣ-

*) См. «Рус. Стар.» Май, стр. 486.

**) «Теперь, къ сожалѣнію этотъ домъ вновь перестроенъ. 1856. Іюнь».

«РУССКАЯ СТАРИНА», ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, 1870. Т. I.

ленія королевской библіотеки въ Берлинѣ*); я учился у него около пяти мѣсяцевъ, и въ самое короткое время онъ узналъ степень свѣдѣній моихъ и способности; распорядился же онъ такъ: задавалъ мнѣ писать трехъ, а потомъ четырехъ-голосныя фуги или, лучше сказать, скелеты, эстракты фугъ безъ текста, на темы извѣстныхъ композиторовъ, требуя при этомъ соблюденія принятыхъ въ этомъ родѣ композиціи правилъ, т.-е. соблюденія экспозиціи, стреттъ и педали. Онъ привелъ въ порядокъ мои теоретическія свѣдѣнія, и собственноручно написалъ мнѣ науку гармоніи или генераль-басъ, науку мелодіи или контрапунета и инструментовку; все это въ четырехъ маленькихъ тетрадкахъ. Я хотѣлъ отдать ихъ напечатать, но Денъ не изъявилъ на то согласія**).

Нѣтъ сомнѣнія, что Дену обязанъ я болѣе всѣхъ другихъ моихъ maestri; онъ, будучи рецензентомъ музыкальной Лейпцигской газеты, не только привелъ въ порядокъ мои познанія, но и идеи объ искусствѣ вообще, и съ его левціей я началъ работать не ощупью, а съ сознаніемъ. Притомъ, онъ не мучилъ меня швольнымъ и систематическимъ образомъ, напротивъ, всякій почти урокъ открывалъ мнѣ что-нибудь новое, интересное. Однажды онъ далъ мнѣ тему, состоящую изъ 8-ми тактовъ, съ тѣмъ, чтобы я написалъ на нее скелетъ фуги къ слѣдующей лекціи. Тема эта походила болѣе на речитативъ, нежели на удобную для фуги мелодію, и я тщетно хлопоталъ надъ ней. На слѣдующей лекціи, онъ еще разъ попросилъ меня заняться этой темой, и я также бился съ ней понапрасну. На третью лекцію Денъ явился съ огромною книгою, содержащею фугу Генделя на ту тему, съ которою я не могъ совладать. По разсмотрѣніи ея оказалось, что вся разработка великаго композитора была основана на восьмомъ тактѣ; первые же 7 тактовъ проявлялись только изрѣдка. Однимъ этимъ соображеніемъ я постигъ, что такое фуга.

Кромѣ уроковъ Дена и уроковъ Маріи, я отчасти занимаюсь сочиненіемъ. Написалъ два романа: «Дубрава шумитъ» Жуковскаго и «Не говори любовь пройдетъ» Дельвига; варья-

*) «И, безспорно, первый музыкальный знахарь въ Европѣ». Примѣч. Глинки карандашомъ на поляхъ копій съ записокъ.

**) Тетради эти, въ числѣ пяти, находятся въ И. П. Библіотекѣ. См. Отчетъ 1868, стр. 33.

ціи на тему «Соловей» Алябьева для фортепьяно, также Potrouggi на нѣсколько русскихъ пѣсенъ въ 4 руки; въ этой послѣдней видно поползновеніе на контрапунктъ. Также этюды увертюры-симфоніи на круговую (русскую тему), которая впрочемъ была разработана по-нѣмцки.

Эти двѣ послѣднія пьесы, равно какъ и большая часть моихъ упражненій съ Деномъ, должны быть въ собраніи моихъ сочиненій у П. В. Энгельгардта*).

Мысль объ національной музыкѣ (не говорю еще оперной), болѣе и болѣе прояснялась; я сочинилъ тему «Какъ мать убили» (пѣснь сироты изъ «Жизни за Царя»), и первую тему Allegro увертюры. Должно замѣтить, что я въ молодости, т.-е. вскорѣ по выпускѣ изъ пансіона, много работалъ на русскія темы.

Кромѣ собственныхъ занятій, я мало слышалъ музыки въ Берлинѣ во время тогдашняго моего пребыванія. Помню, что видѣлъ однажды въ театрѣ представленіе оперы «Une folie» Мегюля. Магіа игрывала иногда съ аккомпаниментомъ скрипки. Тешнеръ познакомилъ меня съ фортепьянистомъ Бергеромъ, написавшимъ превосходные этюды для фортепьяно; онъ, несмотря на нервный ударъ, поразившій одну изъ его рукъ, игралъ еще очень хорошо.

Такимъ образомъ, мы проживали тихо и пріятно до конца марта.

Я однажды съ Чирвовымъ поѣхалъ въ Шарлотенбургъ; по возвращеніи узналъ я отъ зятя, что батюшка скончался. Это извѣстіе поразило меня тѣмъ болѣе, что хотя и писали, что отецъ былъ боленъ, но въ такихъ терминахъ, что я нивкакъ не мыслилъ объ опасности. Такъ какъ все искусство Диффенбаха оказалось тщетнымъ надъ моею сестрою, которая съ ангельскою кротостью выдержала нѣсколько операций, то мы рѣшились возвратиться домой.

Въ это время случилось маловажное происшествіе, имѣвшее странное вліяніе на судьбу мою. Вдова, служившая сестрѣ въ качествѣ горничной и garde-malade, имѣя малолѣтнихъ дѣтей, не могла ѣхать съ сестрою. Вызвали чрезъ газеты желаю-

*) Теперь въ И. П. Библиотекѣ. Отч. 1868, стр. 33.

щихъ съ нами ѣхать; явилось до сорока нѣмочекъ, между ними одна довольно милостивая дѣвушка, но съ предлинными руками и ногами. Когда она вошла къ намъ, я очень хорошо помню, что я тогда же сказалъ сестрѣ: «Бери кого хочешь, только не эту». Пришлось однакожь взять эту, Луизу, потому что всѣ прочія отказались ѣхать въ Россію.

Итакъ, въ апрѣлѣ 1834 г. отправились мы изъ Берлина въ коляскѣ: сестра, зять, я и Луиза. Мы ѣхали на Познань, Кёнигсбергъ, Тильзитъ, Юрбургъ, Ковно, Вильно, Минскъ и Смоленскъ. Прибывъ въ концѣ апрѣля въ Новоспасское, я вовсе не помню, какъ провелъ время до іюня; полагаю, что велъ жизнь тихую и довольно пріятную.

Въ іюнѣ я поѣхалъ въ Москву, чтобы повидаться съ пріятелемъ моимъ Мельгуновымъ. Онъ жилъ въ томъ же собственномъ домѣ подъ Новинскимъ. Мнѣ отвели комнаты, въ которыхъ, съ насмѣшкою сказалъ мнѣ Мельгуновъ, всѣ тѣ, которые поживуть, непременно женятся, какъ на примѣръ Шевыревъ. Въ мезонинѣ жилъ Павловъ (авторъ впоследствии извѣстныхъ повѣстей). Онъ далъ мнѣ свой романъ: «Не называй ее небесной», не задолго имъ сочиненный, который я положилъ на музыку при немъ же. Сверхъ того запала мнѣ мысль о Русской оперѣ. Слово у меня не было, а въ головѣ вертѣлась «Марьяна роца» и я игралъ на фортепьяно нѣсколько отрывковъ сценъ, которыя отчасти послужили мнѣ для «Жизни за Царя».

При томъ же я хотѣлъ доказать публикѣ, что не даромъ странствовалъ по Италіи. Отецъ Мельгунова былъ еще живъ, и у него собралось нѣсколько семействъ, принадлежавшихъ къ высшему московскому обществу; были, между прочимъ, Вгавига и Кирѣева, урожденная Алябьева; обѣ весьма красивыя и образованныя барыни. Я пѣлъ и игралъ свои сочиненія и эти послѣднія, кажется, съ аккомпаниментомъ струнныхъ инструментовъ.

Въ то время сблизился я съ композиторомъ Гебелемъ и неоднократно слушалъ его квинтеты и квартеты хорошо исполненные; также видался съ Геништой, авторомъ «Черная шаль» и элегіи «Шуми, шуми послушное вѣтрило». Тогда же познакомился съ извѣстной пѣвицей-любительницей, Прасковьей

Арсеньевой Бартеневой, и она проходила со мной мои романсы. Вообще, все время пребыванія моего въ Москвѣ я провель очень весело.

(Окончаніе во II-мъ томѣ «Рус. Стар.»).

УКАЗЫ, РЕСКРИПТЫ, ПИСЬМА, ДОНЕСЕНІЯ, ПРЕДАНІЯ, ЗАМѢТКИ.

Исполненіе указа Петра Великаго о бритіи бородъ въ Соликамскѣ 1705 г.

(Разсказъ Ѳ. А. Придальщикова).

Весной 1705 года, въ Соликамскѣ полученъ именной указъ Петра Великаго отъ 16 января того же года, о бритіи бородъ и перемѣнѣ русскаго платья на нѣмецкое. Долго размышлялъ воевода о томъ, какъ объявить горестную новость подчиненнымъ и всему народу, а главное, какъ добиться, чтобъ воля его царскаго величества не осталась неисполненною; наконецъ, рѣшилъ—огласить законъ въ церкви, да тутъ же и покончить дѣло.

Дождавшись перваго воскресенья, градоначальникъ шлетъ жителямъ Соликамска повѣстку явиться къ обѣднѣ въ соборъ: есть-де указъ отъ двора государева такой, который должны выслушать всѣ и послѣ невѣдѣніемъ его отнюдь себя не оправдывать. Граждане поспѣшили въ храмъ. Когда богослуженіе было совершено, воевода велитъ народу приостановиться, самъ всходитъ на амвонъ и громко прочитываетъ розовую бумагу за подписью: „Петръ“.

Въ этомъ диковинномъ указѣ, между прочимъ, возвѣщалось, что-де: „на Москвѣ и во всѣхъ городахъ, царедворцамъ и дворовымъ, и городовымъ, и приказнымъ всякихъ чиновъ служивымъ людямъ, и гостямъ и гостиною сотни и черныхъ слободъ посадскимъ людямъ всѣмъ сказать: чтобы впредь съ сего, его великаго государя указа, бороды и усы брили. А буде кто бородъ и усовъ бритъ не похотятъ, а похотятъ ходить съ бородами и съ усами, и съ тѣхъ имать...“ поборы денежныя. Далѣе слѣдовало опредѣленіе размѣра таковыхъ поборовъ, простиравшихся отъ 30 до 100 руб. съ человѣка на годъ и угроза начальствующимъ по городамъ лицамъ, что-де „если они станутъ въ томъ указѣ чинить кому поноровку, и воеводамъ за то быть въ опалѣ, а бурмистрамъ въ наказаніяхъ и въ разореніи безъ всякой пощады.“